

Тешталът

Едуард Захравков

От Автора

Жизнь хороша своими сюжетами: печальными, весёлыми, смешными, нелепыми.

Но есть такие люди, которые думают, что всё знают о нас. Кто-то их не любит, кто-то боится, кто-то всецело доверяет, забывая, что Они – обычные люди из крови и плоти, у них есть свои страхи, свои увлечения, свои заблуждения. Часто Они могут помочь, но могут и навредить, ведь Они люди, которым свойственно заблуждаться, любить, ненавидеть. Помогая другим, Они подчас не в силах помочь себе, им приходится буквально восстанавливать себя по кирпичику, по клеточке. Они страдают, как все. Они не ангелы, Они не бесы, Они просто стремятся округлять, делать незавершённое – завершённым, несовершенное – совершенным. Ведь круг не будет кругом, если мы один конец не соединим с другим. Так и Они подчас соединяют

наши разорванные души, судьбы, ситуации. А в праве ли Они это делать? Может надо оставить всё как есть?

Выход есть? Выбор есть?

Я

I

Повседневная жизнь человека проста и состоит из удовлетворения обычных потребностей. Так полагал я, придумывая, чем бы сегодня поужинать. Мне представлялась свиная рулька и картофельное пюре. Можно и пива выпить.

Закрывая машину у ближайшего супермаркета, я мучительно думал, как стану ходить между рядами, представляя, что можно из этих продуктов приготовить, а потом выберу пельмени и чай в пакетиках. Поэтому пока стеклянная дверь медленно открывалась передо мной и ещё парочкой таких же мучающихся, я твердо решил, что возьму кусок, нет, два куса семги, замороженную зелёную фасоль и белое сухое.

Полуночный супермаркет был тих и стерилен, только кассирша портила всё, рассматривая каждого как террориста: смотрела вслед, пытаясь запомнить, у кого какая сумка при себе, кто куда пошел и с чем возвращается. Я начал с вина: бутылки, бутылки,

бутылки; водка, водка, водка и пиво. Дальше я не пошел, надо выбирать. Какое бывает белое? Эй, на кассе, какое белое мне выбрать? «Сухое выбираете?» – участливый юноша заглядывал мне в глаза. «Возьмите рислинг, вот этот, – он показал рукой в белой перчатке на ряд нарядных бутылок с полупрозрачной жидкостью, – австрийский рислинг. К лёгкому ужину лучше всего. К тому же мы сегодня продавали его по акции, завтра ещё не наступило в полном смысле, поэтому если его выберете, то сможете воспользоваться нашим суперпредложением». Он по-дружески улыбнулся. «Экономить приятно» – подумал я и взял рислинг. Фасоль с лёгким шуршанием упала на дно корзины. Далее следовала рыба. Шагая между полками с продуктами, я даже успел представить, как она будет выглядеть: этаких два аккуратных кусочка только что из духовки, с блестящей от оливкового масла поверхностью, посыпанные приправой, чёрным душистым перцем. Мечты. Сёмги не оказалось, форели не было, и даже горбуша отсутствовала на

холодильном подносе. «Есть минтай, – недовольно ответила крупногабаритная дама за прилавком, – свежий, мороженный. Там, в холодильнике».

И тут меня понесло.

– Ты! Сельпо! Какой минтай!

– Мушщина! Говорю, что есть. Селёдка еще есть и всё!

– Я не хочу этот ссанный минтай, мне нормальную рыбу надо!

– Почему это он ссанный?

– Потому! Жёлтый он и воняет, в горло не лезет!

Работница прилавка подбежала к холодильнику, достала затуманенный пакет с рыбой, стала ее вытряхивать из пакета, нюхать и совать мне в нос со словами «Да што бы ты понимал в рыбе-то!»

Было поздно. Я почти бегом бросился к прилавку, грохнул корзиной перед возмущённым лицом кассирши, расплатился за рислинг и опрометью из магазина. Успокоение пришло только дома на диване, после трёх стаканов вина, без сёмги,

без фасоли, без настроения.

До утра думал, чего это я так завёлся. Пришел к выводу, что это мой гештальт, абсолютно незавершённый гештальт так вышел из меня: хотел вкусно поужинать, вместо этого вдрызг напился, и это хорошо, что только так. Ведь могло быть и хуже.

Человек едет на рынок, чтобы купить помидоры, а покупает крыжовник.

Человек хочет всю жизнь прожить с Алёной, а живет с Наташей.

Человек пришел в салон сделать пирсинг, а ушёл с татуировкой на плече.

Человек ощущает себя брюнетом, а каждый месяц осветляет волосы.

Человек содержит прибыльный стоматологический кабинет, хотя собирался стать дизайнером жилых помещений.

Что со мной не так? Неужели какой-то там гештальт делает мою жизнь?

Я покупаю билет на самолет, хотя предпочитаю поезда.

В какой-то точке планеты я погибаю от эпидемии малоизученного вируса, хотя собирался умереть в преклонном возрасте в любимом продавленном кресле с чашкой какао в руках.

Господи? Всевышний? Боже? Ты управляешь моим гештальтом? Или не ты? Кто сумел просчитать, что и как будет в моей жизни? Откуда появились те весы, на которых всё взвесили, и что это за мера, которой всё измерили? И в итоге – кто несёт ответственность за мои поступки, моё существование, мою жизнь?

Верка

Поезд выдохнул «ш-ш-ш», и поток горячего воздуха обнял Олю за ноги.

Он стоял на узком перроне и улыбался. Юрка был молодым подполковником. Маленький, весь из себя неказистый, с белесыми редкими ресницами, он походил на хулигана и двоечника. Одевался скромно, будто дворник или грузчик. Когда Юрка ехал в рейсовом автобусе на дачу, никто бы и не подумал заподозрить его в военном чине. Таким он, Юрка, был всегда, будто стеснялся своей успешной карьеры. Успешная карьера наложила на Юркин характер свой тяжёлый отпечаток: драчлив, высокомерен, презирает всех. Его жена Вера, бедная, страдала от своего неказистого и заносчивого мужа всегда: сквернословил, поколачивал, выгонял из дома. Но

был у Юрки огромный плюс – он получал большую зарплату. Официально Юрка с Верой были в разводе, и она воспитывала его двоих детей. По этой причине и получала солидные алименты. Поэтому-то и жили под одной крышей, ругались, дрались, но неизменно мирились. Сегодня Юрка в форме, с букетом цветов, пришёл встречать свою жену и сына на вокзал. Юрка стоял на узком перроне и улыбался тёплой улыбкой. Оля махнула ему рукой, он – кивнул в ответ.

Началось всё как-то просто. Верка и Оля решили рвануть в отпуск, в Крым. Воспоминания детства, обещание жаркого лета и мечты о море воплотились в жизнь – купили сарафаны, подхватили младшеньких детей и сели в поезд. Отпуск начался, когда за окном мелькнул пыльный облик городка и грустное лицо Юрки. Привет, море!

Море плескалось у самых рельсов. Восход солнца, крик чаек, песни муллы и море, бирюзово-красное море за окном. Хотелось выпрыгнуть из душного вагона прямо в эту чудесную воду, бездумно качаться на её волнах, чтобы волосы, губы, руки – солёные, и счастье по капельке вливалось в тебя, переполняло и подступало к горлу диким криком дикой свободы. Дети, это – море! Море, это – мы!

Сейчас, когда Оля вспоминала своё морское счастье, Юрка казался мелким и незначительным. Но их траектории сближались, руки и глаза должны были пересечься. И чем ближе был этот момент, тем больше Оле хотелось уменьшиться и превратиться просто в камешек на асфальте. В одной руке у неё была ручка чемодана, его колёсики громыхали по гальке где-то за спиной, в другой руке – рука дочери.

Дочь держала за руку Веркиного и Юркиного сына. Юрка улыбнулся Оле, перехватил своего сына и, как-то буднично и просто, спросил: «А Вера где?». Очевидно, что Вера должна была выпорхнуть загорелым облаком из поезда Иркутск-Симферополь и чмокнуть его в щёку. Он ждал этого, и Оля тоже стала ждать. Казалось, иначе быть не может, вот ещё один миг и Поезд шикнул и покатил. Юрка обернулся и уже крикнул в Олин раскрытый от удивления рот: «Жена моя где?»

Купались прямо с набережной. Шагнув на скользкие камни и стесняясь своих пока белых тел, упали в море и поплыли. Море забиралось в нос, щекотало щёки, плескалось в уши, водоросли опутали ноги, розовые пятки мелькали в их зелени. Натянули сарафаны на мокрые купальники и пошли

искать жильё. Оно нашлось быстро, недорогое, нефешенебельное, но прямо у набережной, в историческом центре рядом с мечетью и недалеко от рынка.

В Крыму считается хорошим тоном рано поутру всем отдыхающим, курортникам и местным жителям посещать рынок. Витамины – непременная составляющая любого приличного отдыха. И хорошо, если витамины только что сорвали с ветки, собрали с грядки, обобрали с куста. Ну, или ещё только прошедшей ночью разгрузили с турецкого морского судна. Местным хочется, чтобы курортники сорили деньгами, ели в ресторанах, платили за пляж, море, солнце, фоткались с мартышками и в камзолах, катались на аттракционах и ездили в такси. Они же деньги экономят, варят в общей кухоньке на газу,

купаются с набережной, загорают там же, мартышкам и камзолам только улыбаются и спрашивают о цене, аттракционы не выбирают – боятся несчастных случаев и упорно ходят пешком или в толчее едут в общественном трамвайчике. Хотя пару раз срываются и делают приятное себе и местным. Кто не был в Крыму – не знает крымского безалаберного дурного счастья.

Южный рынок – не рынок, песня юга с примесью востока. Чего там только нет. Глаз радуется, язык хочет всё попробовать, желудок мечтательно урчит, с языка стекает предательская слюнка, руки тянутся – кошелек незаметно пустеет. И самый важный на рынке – продавец гранатов. Деревянный навес сколочен крепко, наверное, продавец фантазировал, что его прилавок

курортники станут штурмовать. Под крышей, связанные соломенным шпагатом, висят-качаются гранаты в пучках и ожерельях. Гранаты висят там давно, их спалило жаркое солнце и иссушил степной ветер. Красные головки ритмично бьются о балки в такт выкрикам молодого торговца: «Гранат! Спелый гранат! Гранатовый сок! Гранатовый чай! Берём гранат!» Гранаты отшлифованы каждодневным солнцем и даже треснули кое-где, по балкам стекает сукровица гранатового сока, окрашивает древесину, и от этого купить гранат хочется ещё сильнее. Отжатый сок разлит по всевозможным графинчикам, бутылочкам, баночкам. Щедрый торговец зовёт всех попробовать сок из маленьких стаканчиков объёмом как раз в один глоток. Торговец, ещё совсем молодой парень, кричит громко, никого не зовёт, но всем

улыбается белыми зубами. Люди подходят, пробуют, чмокают кровавыми губами, улыбаются в ответ широко, благодарно, но покупают гранаты редко. Торговец стоит целыми днями, кажется, что он и ночует за своим прилавком, обняв связки со своими замечательными плодами.

Как раз такую авоську с гранатами Оля сейчас и держала в руке, протягивала Веркиному мужу, зажав от страха в кулаке уголок разорванного края. Дырка была совсем маленькая, гранаты выпасть не могли, но ей было почему-то стыдно перед Юркой, что эта дырка вообще есть. А может, она вместе с дыркой зажала в своём кулаке страх посмотреть Юрке в глаза. Оля боялась Юрку, боялась с ним разговаривать, тем более встречаться взглядом. Дети, чувствуя нерв в голосах взрослых, затихли. Веркин и

Юркин сын вздохнул и сдавленным шепотом выдал: «Папа...».

- Юра, давай зайдём в вокзал! - Оле хотелось отвести чужого мужа подальше и поговорить тихо и самозабвенно, так, чтобы он ей поверил.

- Юра, давай пойдём и присядем где-нибудь!

Юрка стоял и смотрел на Олю страшными глазами. Надо было его увести с перрона. Она проявила инициативу и рванула вперед, волоча за руку и свою дочь, и сына Верки и Юрки, стуча колёсами чемодана и подняв высоко голову. Казалось, что приступ страха немного отпустил. Юрка, изобразив на лице нечто вроде недоумения, быстро пошел за ними. Скамейка в зарослях акации была пуста.

- Юра, случилось небольшое недоразумение.

Вера, она отстала от поезда. На границе. Где-то в Лисках. Пошла за пирожками и немного не успела. Но у неё всё в порядке, начальник поезда уже узнавал по рации. Её отправили следующим поездом, она будет через три дня дома. Ты встречай её. Так получилось, мы не смогли позвонить тебе.

И Оля, наконец-то, засунула Юрке в руки авоську с гранатами.

- Вот! Это гранаты! Вера просила передать их тебе, как только приедем. Не грусти, всё будет хорошо!

Последняя фраза, конечно, была неуместна, но Оле хотелось подбодрить растерянного чужого мужа. Схватив своего ребенка в охапку, чемодан и многочисленные корзинки и пакетики, она стала все это запихивать в подъехавшее такси.

- Юра, не грусти! Жди её скоро! Через три дня!

Больше Оля на Юрку не смотрела. В открытое окно такси донеслись только последние слова Юрки: «Ладно...» и жалобное сыновнее: «Пап, пошли домой. Я хочу домой».

«Пусть разбираются сами! Пусть разбираются сами!» – пел кто-то в Олиных ушах голосом продавца гранатов.

День следовал за днём, отпуск был в разгаре. Томным крымским утром Верка пришла с рынка с огромной корзиной, в которой, среди прочей снеди, царственно возлегал гранат, небольшая бутылочка гранатового сока с кокетливо повязанной бантом крышечкой выглядывала между молоком и персиками. На Олины расспросы Верка только дернула плечом:

- Казбек подарил!

- Гора что ли?

- Ага, человек-гора. Казбек зовут. Продавца гранатов с рынка помнишь? Вот он и подарил.

- А с чего это нам Казбеки подарки делают?

Верка улыбнулась как-то совсем счастливо:

- Понравилась я ему. Думаешь, я чего с утра пораньше за покупками зачастила? Казбек меня ждёт. Такой Казбек...

И она самозабвенно закружилась по комнате каким-то безумным танцем, пятками оттоптала нечто русское, национальное, и закончила лезгинкой.

- Грузин он, что ли?

- Не знаю. Даже не знаю, как его зовут. Он - Казбек, Казбек - и всё. Мне так нравится и ему нравится. Зачем мне его имя?

- А зачем тебе его гранаты? За гранаты расплачиваться придётся. Тебе.

- А тебе печаль какая? Мне же, а не тебе!

Было в Веркином голосе что-то непростое, чего стоило испугаться. И Оля испугалась. Но южное солнце располагает к прощению. Вскоре забылось и о Казбеке, и о Веркиных предосудительных танцах. Тем более на рынок Верка больше не ходила. Боясь неразумных поступков подруги, Оля решила, что на рынок отныне ходит сама. Верка про Казбека больше не говорила, а только мечтательно смотрела в голубое крымское небо и вздыхала так томно, что соседи на пляжных лежаках стали посматривать на неё с интересом.

- Верка, если бы море лежало на твоей груди, оно бы уже давно вышло из берегов. Кончай

вздыхать, мадам Грицацуева нервно курит в сторонке. У твоего Казбека четыре жены, пятнадцать детей, любовницы-смертницы и глаз с порчей.

- Я согласна стать его ещё одной женой, любимой. Как думаешь?

- Я думаю, что у дам бальзаковского возраста, чьи мужья работают в полиции, часто случается курортный гон. Но мы же с тобой сюда не за этим приехали? А?

- И за этим тоже.

Верка отряхнула песчинки с круглого зада и, расталкивая млеющих пляжников, не переставая извиняться, побежала к морю. Пара русских Иванов с жиром на пузе, наплывающим на плавки, алчно посмотрели ей вслед. По сравнению с ними Казбек был совершенством. Подруга понимала Верку.

Отпуск, как всё приятное в нашей жизни, имеет свойство заканчиваться. Вот и счастливые дни под южным солнцем были уже почти сочтены. Всё чаще думалось о работе, покупались глупые сувениры и чемоданы наполнялись, чтобы в один день захлопнуться, закрыться, погрузиться и отбыть на родину. Три дня до конца отпуска, магические три дня до отъезда, когда ум уже всё осознал, а тело не верит ему и желает продлить крымское солнце, сухой обжигающий ветер и нежное море.

Сквозь трепещущие ресницы в час самого раннего рассвета, когда местные жители ещё и не думали просыпаться, Оля наблюдала, как Верка собиралась на рынок. Красный сарафан на голое тело, плетеные босоножки, распущенные по плечам русые волосы, заботливо уложенные в кудри, и

шляпа.

- Забыла про губы – алые гранаты и глазасливы, русская краса – Лето этого года!

Верка от неожиданности даже пяткой дернула.

- Решила-таки перед отъездом судьбу на любит-не любит попытать?

- Какая ты злая! – зашипела она. – Курортный роман должен быть. Для жизненного тонуса, чтобы жизнь пресным комом в груди не стояла, а бурлила, неслась и клокотала. У меня в планах – небольшая интрижка. Ма-а-а-ленькая такая, совсем малюсенькая, никто и не заметит.

Верка размер интрижки показывала на маленьком пальце, упирая куда-то в район розового ноготка. И на этом её пальце интрижка выглядела совсем пустяковой. «Пусть!» – решила Оля, и дверь за

Веркой захлопнулась.

Весь день Оля гуляла с детьми, купалась, наслаждаясь последними днями на юге. Дети, чувствуя скорый отъезд, тоже пытались изо всех сил запечатлеть в себе лето. Только мысли о Верке не давали совсем расслабиться.

- Почему так поздно? Как я должна объяснять детям, куда умотала мама Вера?

- Мама Вера весь день провела в утомительных прогулках по ботаническому саду, в нырянии в море с огромных камней и в поцелуях-поцелуях-поцелуях. Нацеловалась на всю жизнь!

- А почему нацеловалась?

- Сегодня вечером пойдём благословляться, без этого у них можно только целоваться.

- Как благословляться?

- Ну, Казбек же мусульманин, ему надо в мечеть, чтобы его благословили на брак со мной.

- На брак? Какой ещё брак? Ты совсем из ума выжила?

- Ничего ты не понимаешь! Брак на одну ночь. У них так положено, я сама, конечно, ничего не понимаю, но Казбек сказал, что так положено. Сегодня праздник и его благословят.

Всё было как-то странно. Верка пропала на оставшиеся два дня. Оля провела эти дни в нервном ожидании, что вот откроется дверь и внесут её бездыханное тело. Ночами мучили кошмары. Однако Верка явилась домой ровно в оговоренное время, свежая, счастливая, ничего не объясняя, приступила к сбору вещей и только на вокзале, воспользовавшись, что дети рассматривали прибывающие поезда,

шепнула: «Супер! Все было супер!»

Ночью в поезде Оля провалилась в глубокий сон, Верка была на месте, дети дружно сопели на соседних полках, расслабление пришло как наваждение. Когда Веркино лицо встало перед Олей в свете мелькающих за окнами фонарей, аж дурно сделалось. Верка сидела на корточках, загородив обзор от мирно спящих соседей шляпой, она что-то быстро шептала.

- Не могу. Совсем не могу. Это любовь. Я схожу с ума. Безумие. Он простит. Возьми документы сына.

-Что-о-о?

Мгновенная догадка подбросила Олю с полки. Верка собирается бросить ей своего сына, сбежать с Казбеком, заставить объяснять это её мужу Юрке.

- Сейчас граница, тебя никто никуда не пустит. Снимай свой парадно-эротичный наряд и ложись спать. Утром образумишься – сама над собой смеяться будешь. Вера!

- Я всё решила, до границы одна станция, я соскочу. Прошу, присмотри за ребёнком, в сумках всё необходимое есть, ты же сама мать, поймешь, что надо.

Мысль, что Верка это спланировала, сразу и прочно засела в Олиной голове.

- Вера! Вера!

В темноте Веркин прыжок никто не заметил, только под её быстрыми ногами зашуршал песок и мелкие камни. Вслед Оля бросила ей сумку с вещами и документами. Бледная фигура пошла быстро к перрону, голос сдавлено крикнул: «Ничего мне не

говори! Я все решила!» Набрав Веркин номер телефона, подруга попросила: «Если будет плохо или передумаешь, набери меня, придумаем что-нибудь». Это было последнее, что она могла предложить этой сумасшедшей.

«Гранат! Красный гранат! Сочный гранат! Пробуем гранат!» – пел кто-то в ушах голосом продавца гранатов.

Верку Оля встретила уже в сентябре. Она вернулась домой через пять дней, почти как обещала Оля чужому мужу. Когда Верка на перекладных добралась до Крыма и ранним утром прибежала на рынок в своем красном сарафане и зрачками, расширенными страстью, Казбек мило беседовал с молодой туристкой, ещё не тронутой загаром, о том, что не только красные гранаты могут быть спелыми,

но и даже самые бледные на вид. Верку Казбек, как водится, не узнал. Прослонявшись ещё около двух дней по пустеющим пляжам, она поняла, что лето и любовь подошли к концу, и пора бы вернуться в обычную жизнь, к мужу. Тем более что попугай седого старика на набережной вытянул для неё из старой шляпы записку: «Собачьего нрава не изменишь». Охнув, Верка купила обратный билет. Никто ни о чём не узнал, только Веркин сын как-то утром позвонил Оле и счастливым голосом сообщил: «Мама вернулась!»

Любаша

Мечтой всего Любашиного детства было наесться досыта.

Полуголодное существование развивало фантазию. Любаша засыпала, думая о блинах с маслом, которые можно макать в густую, чуть желтоватую сметану, или о маленьких булочках с изюмом и маком, или о рыбном пироге, где много поджаренного лука и яичные круги, смазанные сливочным маслом. Верхом всех фантазий был небольшой, но высокий, в несколько слоев, торт с кремом, белым и розовым, на котором разместились малюсенькие ягодки, цветы, бабочки и, обязательно, завитые буквы в надписи «Поздравляем». Любаша представляла себе, как одними губами снимает с торта ягодки, слизывает розочки и красные завитушки надписи, а потом – доедает бисквит, промазанный клубничным конфитюром. С этой вкусной фантазией и сладким привкусом во рту Любаша и засыпала.

Любашина семья была бедной. Любаша жила с

мамой, которая работала гардеробщицей, и отчимом. Отчим, очевидно, нигде не работал, но содержал семью. Маминой зарплаты хватало только на неделю, а потом начинались мучительные дни в ожидании новой. В такие дни мама говорила: «Вот получу получку...» Но после зарплаты ничего не менялось, долги раздавались, покупалась сечка, хлеб и растительное масло, фанфырик для отчима и сигареты. Теперь была очередь отчима, он долго курил взятяг, а потом уходил «на работу». Иной раз он возвращался с пустыми руками и злой, случалось, что-то приносил, и тогда мать начинала метаться по соседям, продавать. После этого в доме появлялась вкусная еда. Но Любаше из еды почти ничего не перепало, отчим говорил, что кормить «чужое отродье» не станет. Любаша сочувствовала матери и отчиму, им слишком тяжело давалась эта жизнь, она никогда ничего для себя не просила, терпела. Только ночью, в снах своих, она могла отведать таких яств, о которых только слышала или читала.

Любаша выучилась на повара в училище, а

потом, в технологическом колледже, получила специальность технолога общественного питания. Теперь она работала в пиццерии заведующей производством и совсем забыла, как засыпала в детстве, мечтая о булках и тортах. В её теперешней жизни было много теста, начинки, разной сдобной радости. Любашина счастливая натура приподнимала хозяйку над землей, как опарное тесто поднимает крышку кастрюльки, как съестные запахи поднимают душу голодного над бранным бытием. Любаша делилась этой своей сдобностью с каждым: она пекла «Маргариту» с фирменным соусом, «Большую Бонанзу» с соусом Барбекью и острыми перчиками халапеньо, «Пепперони» и «Чикен Бургер», пиццу «Четыре сыра» и «Мясное удовольствие». Любаша с легкостью выговаривала любые ингредиенты самой сложной пиццы, знала всё о толстом и тонком тесте, готовила индийскую пиццу, мексиканскую и американскую и, конечно, итальянскую. И вечером засыпала вполне довольная, без воспоминаний о несчастливом детстве, трудной

юности; она радовалась, что смогла накормить человечество вкусно и досыта.

Только одно терзало Любашину душу и лишало её душевного равновесия: у неё не было детей. Никак Любашино доброе, сдобное, пышное, где надо – узкое, где надо – широкое, тело не хотело беременеть. Любаша просто рождена была для детей, у неё были широкие бёдра и грудь приличного размера, она не была слишком худа или толста. И тело, и душа Любаши желали дитя, но его всё не было. У Любашиной прабабки было десять детей, у бабки – восемь, правда Любашина мать смогла родить только её, но это от трудной жизни. Любаша пестовала этого ребенка в своей душе уже очень давно, считала, что её счастливая и полноценная жизнь начнется только с рождением ребенка, младенца, мальчика или девочки.

Мужей в Любашиной жизни было трое.

С первым она сошлась по глупости. Все Любашины подруги собирались в скором времени выйти замуж, а она подзадержалась. У Любаши был

влюбленный в неё сосед. Он был толст и ленив, но всё же – мужчина. Женившись на Любаше, он своих привычек не поменял, лишь стал ещё толще. За руль машины (а он работал в такси) его приходилось долго усаживать. Зимой муж и вовсе не работал, в теплой зимней одежде за рулём он не помещался. Любаша даже боялась думать, что с ним случится, попади он в аварию. Это было бы душераздирающее зрелище, много мяса, много крови, а ещё он наверняка бы задохнулся в подушках безопасности. Ко всем его недостаткам муж очень вонял, грибок, казалось, распространился по всему его телу, ел кожу, ногти, волосы. Перед тем как уйти от своего первого мужа, она перестала его кормить. Он бесился, обзывал её обидными словами, швырял в неё всем, что попадало под руку. Но Любаша уже решила, что уходит, и это её мало задевало.

Второй муж был полная противоположность первому: поджар и мускулист, как хорошая гончая. Он привозил в кафе, где тогда работала Любаша, овощи – огурцы, помидоры, хрен и зелень. Выгружал

всё сам, сам же заносил деревянные лотки и громко смеялся, отсчитывая татуированными пальцами мятые сотни и полтинники. Он работал на фермерском хозяйстве, был там и рабочим, и охранником, и водителем. Особенно Любаше нравился секс с ним, он был ненасытен, готов был заниматься любовью в любое время дня и ночи, в любых условиях. Любаша смущалась, но что скрывать, ей нравилось. Сексом надо заниматься сразу, как только захотелось. Что за болтовня про подходящие условия? Этим он жил. Любаше нравилось, как он трудился над её сдобным телом. В конце акта он хлопал Любашу по розовому заду своими татуированными ладонями со словами: «Цимус!» и засыпал между Любашиных тяжелых грудей. Любаша любила его как младенца, как котенка своего любит кошка, как о птенце заботится птица, со снисходительной нежностью следила за его действиями и боялась, что он пропадёт. И однажды он и вправду пропал, вместе с женой фермера и японским грузовичком, полным свежих овощей.

Жена и грузовичок вскоре нашлись, а вот второй муж – нет. Пропал. Она его искала, но он просто испарился со своим откровенным смехом и татуированными пальцами. Кстати, татуировки у него были только на трех средних пальцах правой руки – «Ищи». «Буду искать,» – думала Любаша, засыпая каждую ночь в слезах, прижимаясь румяной щекой к белому квадрату подушки, на которой совсем недавно лежала голова её второго мужа.

Третий, теперешний муж был чем-то средним между первым и вторым. Вечно недовольный, обиженный жизнью, он чем-то напоминал Любаше её отчима, чёрный и снаружи, и внутри. Нет работы – злится, есть работа – злится ещё больше. Он был автослесарем и работал в гараже, грязная тяжёлая работа. Улыбался он только в двух случаях, когда жалел бродячих собак или когда ему в гараже какой-нибудь довольный ремонт владелиц давал сверху пару тысячных купюр. Любаша понимала своего мужа, чего скалиться-то без толку. «Миленький, давай ребёночка родим?» – иногда робко спрашивала

она. «Рожай, – отвечал он. – Только запомни, у мужиков детей не бывает. Сама расхлебывать будешь». Любаша вздыхала, она бы и родила, и расхлебывала, да не получалось.

В праздник отправилась Любаша в городскую церковь, хоть и не была крещёна. Купила три больших восковых свечи и стала размышлять, кому поставить: одну поставила Иисусу, одну – Матери Божией, а с третьей долго определялась. Бродила по церковным закуткам, целовала оклады икон, крестила свою пышную грудь. Наконец выбрала какого-то седого старика в черном одеянии с золотыми крестами и поставила свечу перед ним. Пятясь к выходу, она что-то шептала, с мольбой глядя на всех святых. Краем глаза она заметила в углу сухонькую старуху, которая, казалось, дремала. «Бабушка! Бабушка! – громко произнесла Любаша. – Это кто?» Старуха встрепенулась. Любаша решила, что старуха глухая. «Бабушка, кто это?» – повторила свой вопрос Любаша, одними глазами показывая на седого старика с иконы. «Деточка, это Николай-

Чудотворец, житие вот его возьми, почитай», – показала пальцем на стеклянный церковный прилавок с книгами старуха. Да, Любаше чудо бы совсем не помешало. Она попятилась к выходу, почти задыхаясь, выбежала на улицу. Долго, пока не заслезились глаза, смотрела на золотые луковки церковных куполов. «Дышать в церкви очень тяжело», – объяснила она нищенке у ограды и подала сто рублей.

Ночью Любаше снился Николай-Чудотворец, он участливо смотрел на неё: «Пойдёшь гулять, под горой найдёшь камень, – старик смерил взглядом Любашу, – килограмм на пятьдесят. Будешь его три раза катать в гору столько дней, сколько сможешь. Закатишь, передохнешь и кати вниз. Так трижды. Оставишь его там, где нашла. Потом испеки столько хлебов, сколько дней камень катила. Пироги раздашь жёнкам, у которых детей много. И будешь с дитём. Не бойся, родильная ложка всегда с солью, с перцем».

Любаша после сна долго сидела на кровати, шевелила пальцами ног и удивлялась, какие у неё

ноги белые да гладкие. Рядом, почти неслышно, спал третий муж.

Любаша жила в домике на пригорке, внизу был городской пруд. Утром, до работы, пока не приехал служебный автобус, Любаша бродила вдоль берега и нашла свой камень, большой, неправильной формы, он рос прямо из земли, вроде как ожидал её. «Трудно катить будет», – подумала она, но других больших камней поблизости нигде не было. Вечером, в сумерках, Любаша пришла к берегу с туристической лопаткой и принялась выкапывать камень, с трудом она отделила его от родного углубления, долго сидела на нём, не могла никак отдышаться. Принялась катить, было тяжело и неудобно. Ещё она поняла, что одежда её никак не предназначена для такого труда. Поэтому восхождение с камнем было отложено на завтра.

Вечером другого дня Любаша пересмотрела свой гардероб, нужны были брюки, но она принципиально не носила брюк, они стесняли её сдобное тело. Любаша выбрала длинный льняной

сарафан, под него надела флуоресцентные жёлтые лосины, которые использовала летом для прополки грядок. В сарафане сдвигание и закатывание камня пошло быстрее, она не боялась нагнуться низко или упереться ногами в неудобной позе, сарафан надёжно скрывал её ладные ноги в ярких лосинах. В тот вечер, или точнее – ночь, камень закатился к Любашиной ограде довольно быстро. Несколько минут Любаша хватала воздух ртом, размышляя, стоит ли его сегодня скатывать. Нагнулась и, что было сил, толкнула его вниз, крикнула зачем-то: «Поберегись!» Хотя ясно было, что на улице уже совсем никого нет. Вроде никого не задавила, только внизу заливисто залаяла собака. Было два часа ночи, третий муж неслышно спал в супружеской кровати.

С утра, собираясь на работу в пиццерию, Любаша засомневалась в своём поведении: руки-ноги в синяках, плечи болят, ногти обломаны. Перед автобусом Любаша отправилась взглянуть, куда укатился её камень. Оказалось, что он вовсе не

скатился вниз, а застрял на полпути, попав в какую-то выемку. Любаша докатила камень к пруду как раз к самому приезду автобуса. Когда раздалось шуршание колёс по гравию, Любаша приводила в порядок свою прическу. Садясь в автобус, она старалась не поднимать руки вверх, чтобы никто не заметил тёмные пятна пота.

Так продолжалось неделю. Никем не замеченная, она каждый день катала свой камень, забывала есть, да и готовила ужин только для мужа, любимый сериал не смотрела, к соседке поболтать не забегала. Третий муж вёл себя так, будто ничего не замечал, равнодушно сопел в стенку, когда, глубоко за полночь, Любаша возвращалась домой. «Какой бесчувственный! Спросил бы хоть, где была. Ночь ведь на дворе!» – думала она, укладываясь спать уже под утро. В седьмой день, когда Любаша заталкивала камень обратно в его естественное углубление и присыпала землёй, помогая себе туристической лопаткой, к ней из кустов вышел Василий, водитель служебного автобуса, который каждое утро увозил её

в пиццерию. Любаша этому даже и не удивилась, не испугалась, она была вымотана, тяжело дышала, крупные капли пота блестели в её бровях. Молча, ничего не говоря, Василий присел рядом с Любашей на камень, погладил её по круглой коленке, обтянутой желтыми лосинами. Любаша остатками своего усталого сонного сознания подумала: «А чего бы и нет?» И они занялись любовью прямо тут же, у камня на берегу пруда. Потом Василий курил, задумчиво разглядывая Любашу, как она натягивала флуоресцентные лосины на похудевшие ноги. Разошлись также молча, как и встретились.

«Родильная ложка с солью, с перцем», – думала про себя Любаша, разделявая семь пирожков. Было воскресное утро, ехать в пиццерию было не надо. Любаша всё думала, как утром в понедельник сядет в служебный автобус. От этого её, и без того румяные, щёки становились ещё румянее. Впрочем, её сейчас более заботило, кому раздать стряпню, это было важнее, чем ночное приключение. Детей современные женщины рожают мало, больше двух в

семье – большая редкость. «У вас в гараже есть многодетные мужики?» – спросила Любаша за завтраком третьего мужа. «А тебе что с этого?» – как-то с агрессией ответил он. «Так просто», – ответила Любаша, мысленно вычитая гараж из зоны предполагаемого распространения. В конце улицы жила многодетная семья, туда Любаша и отправилась первым делом. Изумлённым хозяевам она протянула булку ещё тёплого белого хлеба. Ещё один хлебец она отдала нищенке у церкви, у той оказалось трое детей. Потом гуляла в парке, смотрела, у кого сколько детей на прогулке, недоумевающим мамашам она отдала ещё два хлеба. Столько же удалось пристроить в магазине детских игрушек. Оставалась одна булочка. Сидя на скамейке у пруда, усталая Любаша половину съела сама, а половину скормила уткам, очень уж они попрошайничали, хлопая крыльями по водной глади. Спихватилась, но было уже поздно, хлеб был съеден. Любаша даже всплакнула от огорчения, ведь столько было пережито и могло пропасть зазря из-за её рассеянности. Потом она

рассудила, что утка тоже, наверняка, многодетная мать, и успокоилась.

Через месяц Любаша поняла, что беременна. Её стало тошнить по утрам, отекали ноги, и все солёные корнишоны в пиццерии вызывали отделение слюны. Водитель Василий ласково улыбался измученной рвотой Любаше каждое утро, она же делала вид, что ничего не замечает. Третий муж совсем перестал смотреть на Любашу.

Как-то ночью Любаша поняла, что она родит своего долгожданного ребёнка вот этому равнодушному третьему мужу. Третий муж, и в этом не было никаких сомнений, будет знать, что ребенок не от него, станет называть его «чужим отродьем», как когда-то Любашу называл отчим. Это открытие придало Любаше сил, утром она собрала мужу чемодан и объявила о разводе. Тот даже и не удивлялся, не сопротивлялся, съел завтрак и ушел, так ничего и не спросив.

Нарядная Любаша, улыбаясь всем своим румяным сдобным существом, встречала служебный

автобус. «Сегодня нужно камень к дому перекатить»,
– попросила она Василия и протянула ему семь
блинов с творогом в пластиковом контейнере для
завтраков.

Павел

Протяжно гудел поезд. Люди входили, двери хлопали. Шумящие потоки равномерно распределялись по залу: кресла, подоконники, скамейки, кассы. Кто-то выходил, двери хлопали. Шуршащие звуки скребли слух: чемоданы, тележки, сумки, пакеты, коробки. Вокзальные шумы поднимались высоко под купол здания и летали там гулким эхом, вырывались на перрон и были заглушены грохотом прибывающего поезда.

Павел вместе со всеми вошёл в зал ожидания.

Студенты у газетного ларька грызли семечки и громко смеялись, продавщица пирожков отсчитывала сдачу мятыми пятидесятками, семейная пара негромко переругивалась, туристы с огромными рюкзаками изучали электронное табло, влюбленные обнимались, цыганка с оравой малышкой клянчила «на хлебушек». Обычная вокзальная жизнь. Павел присел на край деревянной скамьи и наблюдал, как девушка покупала у красного автомата кофе в стаканчике. Автомат выбрасывал стаканчик вверх

ногами, подбирал в своё нутро и опять выбрасывал вверх ногами. Девушка смеялась, привлекая внимание студентов у ларька. «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не повешалось!» – крикнул один. Девушка сняла с держателя дымящийся стаканчик: «Лишь бы не плакало, дурак!»

Запах кофе растекся по старому вокзалу. Павел сглотнул.

Утро началось буднично. Старуха сметала со стола крошки вчерашнего ужина, Павел смотрел, как она неторопливо водит тряпкой по столу, меняет местами солонку и перечницу. Старый передник повязан ровно, волосы собраны под гребенку в аккуратный пучок. И передник, и гребёнка были знакомы Павлу целую жизнь. Всё было в этой жизни у них, одного не хватало – интереса. Все известно, знакомо, по накатанной, а интереса нет. Без этого и жизнь пресна, и утро похоже на вечер, и день на день, и год на год. Павел смотрел на свою старуху из-под одеяла, и всё яснее ему становилось, что жить так

больше ему невозможно. Завтракали молча вчерашней пшенной кашей и яйцами «в мешочек».

С дерматиновым чемоданчиком Павел никогда не расставался, когда работал слесарем, носил в нём инструмент, осенью там спели помидоры, а недавно в нём окатилась кошка. Пара белья, колючий свитер, шерстяные носки, охотничий нож. Костюм надел на себя, в карман положил чистый платок. Подумал и засунул ноги в кирзовые сапоги, ботинки завернул в газету и – в чемодан, чуть повозился со старым замком и был готов. Старуха сметала со стола крошки после завтрака. Передник. Гребенка.

– Я пошел.

– Куда? В магазин? За шкаликом?

Павел молчал. Слышно было только, как тряпка в старухиных руках шуршит по клеёнке.

– Куда пошел-то?

Старуха оглянулась. Павел в парадном костюме и с дерматиновым чемоданом в руке стоял навтыжку.

– Что? Опять? Опять уходишь?

- Так, видно.

- И куда?

- К Павле поеду. Она меня звала, вот я и решил. Она бабка хорошая, осанистая, фигуристая, песни любит.

- А я?

- А тебе долгих лет счастливой жизни и не болеть.

Павел шагнул к порогу, старуха шатнулась к нему.

- А я?

- Ты старая уж вся, меня не привлекаешь. Накладки вон носишь, а я-то знаю, что всё оно не твоё. А Павла, она такая. У ней все своё.

- А тебе почём знать?

- Я знаю, трогал.

Поезд радостно свистнул. По залу прокатился рокот: «Прибывает! Прибывает!» Туристы технично, по очереди, покидали здание. Студенты, шумно толкаясь и хохоча, поволочили огромные сумки к выходу. Девушка, что покупала кофе, печально

посмотрела на автомат и попросила у продавщицы пирожков кофе «три-в-одном». Цыганка вышла на перрон. Вокзальные двери, не переставая, хлопали, принося перронный шум и запахи. Павел слезящимися глазами наблюдал за дверью.

Никому знать не дано, что ждёт его в дороге. Может, транспорт сломается, задержится, бензин закончится, а может, всё пройдёт по распорядку, без суеты и накладок. Павел размышлял, какой будет его дорога. Мерный стук и шёпот напомнил ему о необходимости купить билет. Кто-то протяжно творил молитву, и местный батюшка, обметая полами рясы гладкие половые плитки, семеня к выходу. Несли икону. Пахло сладко, и сердце Павла вывернулось и торопливо застучало: «Плохо-плохо, плохо-плохо!» Все путешественники так суеверны. «Мощи привезли!» – проговорили на соседней лавке. «Чьи?» – чирикнула молодуха рядом с Павлом. «Не знаю. Старик какой-то с бородой, – ответила женщина в плаще, – Иннокентий, может». Павел вздохнул и шумно высморкался в чистый платок.

Надо было привести себя в состояние душевного равновесия, пройтись, поглазеть на поезда, купить билет, опять же. Правда вокзальная дверь внушала Павлу опасения.

Павел уходил от своей старухи уже не первый раз, и всё как-то нескладно. Городок, в котором они прожили всю жизнь, был маленький, даже не на всякую карту его наносили, через него не проходила трасса М, не проезжали пригородные автобусы, самолёты не летали, корабли не проплывали. Моногород. Выходом и входом городку служил старый вокзал и гравийные поселковые дороги четырёх направлений. Вокзальную дверь боялись и любили, она была способна на чудеса. Если открылась в твоих руках сама, то дорога твоя будет легкой, цель путешествия достигнута, уезжающий – не вернётся, приезжающий – останется надолго. Если дверь не открылась – всё плохо, придётся вернуться, покаяться, мучиться сомнениями. У Павла дверь ни разу не открывалась, уж он её дёргал, тянул, гладил ласково ладонями, уговаривал. Дверь не открывалась.

Павел возвращался к своей старухе. Волшебства с дверью никакого не было, просто она была старая, разбухала от влажности, забивалась пылью, отходил уплотнитель, за щепочку цеплялась. История прозаичная, легко объяснимая. Но если дверь не открылась, то придётся вернуться назад, город тебя не выпускает, нету тебе от него благословения. Павел объяснял себе технические несовершенства двери уже не первый раз, но необходимость выйти через неё сводила его с ума и погружала в размышления. Павел переставил свой дерматиновый чемоданчик с лавки на пол и потёр ладони. Надо было что-то решать. Можно было выйти из вокзала через запасной выход, обойти здание и через металлическую решётку багажного отделения попасть на перрон. Но это было нечестно, будто получить отпущение грехов не от господ, а от его заместителя.

Павел подошел к двери и взялся за массивную витую ручку.

- Дед, купи пирожок! – продавщица смотрела на Павла и перебирала пальцами металлические монеты в кармане. – В дороге есть захочется.

- Пирожок? А с чем пирожок? – Павел заглянул в лоток.

- Да какая тебе разница в дороге-то? – она издевалась.

Павел кашлянул, ему казалось, что эта грузная красючка с пирогами знает про него всё. И про дверь, и про старуху, и про страхи. Он отошёл к окну. Вокзальные окна были большими, с широкими подоконниками, на них можно было сидеть и даже лежать. Павел поставил на окно чемодан. В углу ссорились влюбленные.

- Пошли в випзал, я там сфоткаюсь на кожаных креслах, будто на вокзале в Москве.

- В Москве на вокзале нет таких кресел, там стулья вот такие, с сеткой, – парень постучал ладонью по металлическому сиденью.

- Какая разница? Кто знает, что там есть? Напишу, что на Казанском вокзале.

- Не пойду.

- Не пойдёшь? Совсем не пойдёшь? – девица перешла на визг, – ты меня просто не любишь!

- Люблю!

- Любишь, а туда не пойдешь? – девица ткнула пальцем в дверь выпзала.

Павел прерывисто вздохнул, сгрёб свой чемодан и направился к чудесной двери. Витая ручка была почему-то тёплой, удобно легла в ладонь. Сейчас Павел потянет её к себе, и она откроется. Снаружи дверь резко толкнули, цыганка с кучей разновозрастных и разномастных детей вошла в зал.

- Отец, дай деткам на хлебушек! – цыганка деловито смотрела на деда, как бы оценивая, сколько он может дать.

- А сколько надо? – Павел полез за монетками во внутренний карман пиджака.

- Видишь, сколько их у меня, и всем надо. На хлебушек, на водичку, – цыганка нетерпеливо перебирала грязными пальцами почти под самым

носом у Павла, – вот это дай. Цыганка вытянула из Павловой пятерни крупную купюру и сунула одному из детей, тот быстро побежал к двери и выскочил на перрон. Павел даже позавидовал шустрому цыганёнку, тому, как легко поддалась тонким ручонкам тяжёлая дверь. Ему, Павлу, бы так.

Третья попытка – и дверь должна была открыться, выпустить Павла в его новую жизнь, с новой старухой, в новом местечке. Он мечтал об этом, думал, тешил и лелеял мечту. В стеклянном окошке строгая кассирша выдала Павлу билет на поезд до местечка, где жила фигуристая Павла. Ждать отправления нужно было ещё двадцать минут. Павел обвёл глазами зал, вздохнул и пошел между рядами металлических кресел. В конце пути недостижимой целью стояла дверь. Павел молил глазами и даже что-то шептал пересохшими от желания губами. У двери была своя, живая, грудь и бёдра без накладок. Она манила, обещала рай телесного наслаждения и жизни с весёлыми песнями. Она была старухой Павлой. И

больше никаких жизненных передников и скромных гребешков.

Что-то показалось Павлу, что-то знакомое мелькнуло перед глазами. Павел обводил глазами зал уже не первый раз. Что-то знакомое было в этом зале, но Павел не понимал, что. С каждым шагом судьба приближала Павла к двери и к мечте. Ну, конечно, на крайнем кресле у двери сидела его старуха с чем-то белым в руках. «Даже передник не сняла, только платок накинула на свои аккуратные волосы,» – мелькнула мысль в голове Павла. Сердце упало вниз, теперь дверь уж точно не откроется, все кончено.

– Зачем припёрлась? – процедил Павел.

– Пришла вот, пластид принесла, возвращать тебя буду, – старуха вздохнула и печально заглянула в глаза Павлу, – если не вернёшься домой, взорву себя и всё тут.

Павел оглядел зал уже в сотый раз, жалко было старый вокзал, и себя тоже было жаль. Взрывной волной дверь откроет точно. В газетах про них

напишут, про него, про старуху. Позорная слава на старости лет.

- А где ты пластид-то взяла, дура?

- В сарайке. Внук привозил для рыбалки. Просил спрятать. Я-то думала, что замазка, стала колупать, чтобы окна к зиме замазать. А он говорит: «Баба, не колупай, а то взорвется».

Павел подумал, потрогал губы. Его старуха была мудрёной бабой, кто знал, сколько всего в её голове было.

- Какой ещё пластид? Пластилин это. Надурил тебя внук-то, посмеялся. Я сам этим пластилином трещины на двери перед покраской замазывал.

Старуха растеряно смотрела то на Павла, то на кусок пластида. Понятно было, что это был её последний аргумент, и он только что потерял свою силу. Придётся проводить Павла так, без взрывов, без слёз. Она встала и отряхнула передник, судьба никогда к ней не была благосклонна. Дверь открыла сама. Тяжёлая дверь поддалась легко, без скрипа, без

напряга, будто ждала, когда старуха-террористка её откроет.

– Иди!

Сам господь волею своею открыл дверь Павлу. Надо было идти. Поезд с протяжным гудком уже прибывал на станцию.

Димон

Так не делай, если не уверен.

Димон налил в узкий прозрачный стакан бесцветную жидкость, достал из блестящей коробочки длинную иглу, проколол рыбу и, глядя на кончик иглы расширенными зрачками, размешал ею свой напиток. Это была церемония. Так мусульманин оmyвает свое тело перед входом в мечеть, так православный, увидев золотые луковицы куполов, крестит своё туловище. Церемония важна, если ты видишь в ней смысл. Сегодня для Димона эта церемония несла особый смысл, хотя и выполнялась не впервые.

Пить почему-то не хотелось. Димон вышел в подсобку, белую, стерильную, сел на мешок с рисом и стал думать. Думалось тоже плохо. К тому же в подсобку заглянул маленький помощник-японец и заволновался на своём языке. «Оке! Оке!» – заизвинялся Димон и стал кланяться. Так они и стояли в стерильной подсобке, кланясь друг другу, и, вероятно, это было нелепо. Японцы уважают рис,

на нём нельзя сидеть, его нельзя рассыпать или выбрасывать, на него даже ругаться нельзя. Церемония.

Димон много мог рассказать о церемониях, жизнь его кидала и бросала, заставляла церемониться, поклоняться и делать вид. Церемонии правят миром, там, где кончаются церемонии, начинаются конфликты, склоки, ругань, даже и война может начаться. Церемонии тяготят, обременяют, но успокаивают и дают уверенность. Если ты церемонен, ты – друг. Хочешь дружить – следуй церемониалу. Димон был человеком миролюбивым, даже хотел податься в общину хиппи и проповедовать Миру о мире во всем мире, но любопытство привело его туда, где он сейчас и был, в японский ресторан.

Димон вернулся к своему столу шеф-повара. На столе всё было так, как и до ухода в подсобку, японцы весьма субординированы и умеют подчиняться, никто ничего даже не передвинет на столе начальства, если не получил на это высшее

распоряжение.

На кухне все предметы были белыми или чёрными, даже блестящие поверхности сияли каким-то приглушённым монохромным светом, ничего не раздражало, но вселяло восторг и желание подчиняться. Никаких пятен, гари, рыбного или мясного запаха, пахло белизной и порядком. Только японцы знают, как пахнет порядок, это ни американский лимон, ни европейская свежая выпечка и кофе, ни русская побелка и скошенная трава. Японский порядок пахнет тишиной и церемониалом. Для Димона это был убийственный запах. Димону захотелось старого бабкиного дивана в прихожей и кучи стоптанной обуви, затёртых обоев и продавленной панцирной кровати. Слеза набежала на глаз, в носу зачесалось. Димон взял свой стеклянный стакан и вернулся в подсобку, повернул замок в двери, снял длинный чёрный фартук. Теперь можно было спокойно развалиться на рисовых мешках и подумать. До начала рабочего дня оставался ещё час.

Так не делай, если не уверен.

Димон вспомнил своё детство. Никто не верил, но Димон знал себя с момента рождения, помнил, как выглядело родильное отделение, какими были часы на руке акушерки, мелкий цветочек на материнской рубашке. Помнил, а может, ему казалось. «А ты меня изнутри не помнишь? А то, расскажи!» – смеялась мать. Детство было невероятным: бедным, голодным, злым. Димон старался его никогда не вспоминать, становилось жалко себя, на глаза наворачивалась сиротская слеза. Поэтому Димон своих детей не знал, хотя, вероятно, они были. Он их жалел, но предпочитал думать, что у него нет детей.

Димон родился в конце семидесятых где-то в Сибири, в середине земли русской, в советской интеллигентной семье. Его мать преподавала химию в школе, а отец читал историю цивилизаций в местном пединституте. Димон только пошёл в школу, как страну стало трясти. Димону было непонятно, почему мать с отцом постоянно ругаются, на ужин ели одни макароны и размоченные сухари, когда

умерла бабка, её хоронили на деньги от продажи дедовых медалей, а макароны закончились, поэтому мать к ужину готовила чай из спитой заварки и к ней маленькие сухарики. Растрескавшиеся ботинки Димона мать клеила какой-то разваренной в кипятке кашей. Из единственных сандалий Димон вырос, и, чтобы ребёнок имел возможность носить сменную обувь в школу, их удлинители, отрезав носы. Димон до сих пор ощущал стыд за эту свою бедность, он помнил, как приходилось поджимать пальцы на ногах, чтобы те не касались пола, и терпеливо ждал, когда ему купят новые сандалики. Но так этого и не дождался, в Штаты улетели в тех же сандалиях.

Мать была энтузиастом, она любила свою химию каким-то одержимым чувством. Ещё больше мать любила своих учеников, всех, даже самых непутёвых. Она собирала их в своём кабинете после уроков и заставляла думать о жизни. К думам прилагалась буханка белого хлеба из школьной столовой и сахарный чай оттуда же. Они смеялись, перекидывались хлебным мякишем, рассказывали

страшилки из своей жизни. Это была такая психотерапия. Никому от этих посиделок лучше не становилась, мать не могла исправить жизни этих ребят, ничем не могла им помочь. Она была одной из них, нищей, проблемной, без денег и смысла жизни. Хотя нет, смысл был – выжить. За эти свои посиделки со шпаной и любви к химии матери дали грант Сороса. Она, ничего никому не говоря, сложила чемодан, прихватила Димона и подалась на год в Штаты. Димон жил в маленькой комнатке латиноамериканского квартала на Манхэттене, мать была вечно на курсах, потом преподавала, Димон вначале сидел рядом с ней, но вскоре ему это наскучило, и он стал оставаться в комнатке. Он научился спускаться из окна второго этажа по старому гамаку, нашёл друзей. Конечно же, все они были неблагополучными афроамериканцами или мексиканцами, но с ними было весело. Можно было целыми днями болтаться по каменным джунглям, курить маленькие сигаретки и выуживать шоколадки из автоматов. Мать забыла про Димона, он в

совершенстве научился воровать, изъяснялся на странном английском и попробовал все наркотики, какие тогда можно было найти в боро. Неожиданно для Димона всё закончилось, пришли из миграционного отдела и сказали, что через неделю надо быть готовыми к отъезду в Россию. Грант закончился. Мать паковала в чемодан новую одежду, книги и подарки, блоки жвачки и сигарет. Димон зашивал в подвороты джинсов марихуану и экстази.

Сибирь встретила неласково, мокрым снегом и ветром, был ноябрь. Оборванная страна по сравнению с Манхеттеном показалась Димону шуткой, будто он приехал сюда не насовсем, а только на время. «Мам, когда мы отсюда уедем?» – спросил Димон наивно. «Сынок, вырастешь и уедешь, а я уж тут как-нибудь», – вздохнула мать и затянулась, как сигаретой, холодным воздухом. Мать по-прежнему работала в школе, денег не было, отец ушёл. Отец Димона был ещё более странным, чем мать, он верил в какой-то высший разум и своё предназначение. Он основал секту и уехал на Алтай. Звал Димона с собой,

но мать не пустила, ребёнку надо учиться, а не белым царицам поклоняться. Больше отца никто никогда не видел.

Димон заканчивал школу. Он пил, принимал наркотики и находился в постоянном поиске денег и смысла жизни. «В отца пошёл, цивилизацию ищет», – шутила мать и делала вид, что Димон уже большой и может жить, как хочет. Школьные экзамены позади, в аттестате одни тройки, пятёрки по химии, истории и английскому. Мать помогала, как могла, уж очень ей не терпелось отправить сына во взрослую жизнь. С такими успехами институт Димону не светил, надо было как-то устраивать свою жизнь. Он съехал от матери в старую бабушкину квартиру и два года прошли как *gar year* перед университетом. Димон сам себя не очень хорошо помнил в те два года: наркотики, лёгкие, тяжёлые, алкоголь, подружки из ночных клубов, друзья из теплотрассы, трясущиеся бомжи и помятые золотые мальчишки, кошки, собаки, оружие в подъезде соседи и злые лица в дверном глазке. Очнулся Димон со шприцем в руке в

подъезде, как там очутился, не понял. Нога была сломана, руки тряслись, голова соображала, что умер. Пустота заполняла душу Димона. Скоро начнётся ломка. Димон набрал телефон матери и попросил пристроить его в наркологию. Лечился долго, вместе с зависимостью к Димону пришли гепатит разных видов, сифилис и истощение. Стал хромать, ходил, как Лорд Байрон, с тростью, страдал мертвенной бледностью. Хотелось уехать на Алтай, к белой царице, к отцу, но мать адреса не знала.

Димону было уже за двадцать, надо было начинать жить.

Опять осень. Дворник на центральной площади сгрёб опавшую листву в кучу. Куча получилась огромная. А дворник всё подвозил и подвозил на тележке невесомое золото, сыпал и сыпал. Димон, поставив трость у скамейки, упал в эту пышную шуршащую массу. «Сыпь на меня», – попросил он дворника. Дворник усмехнулся, но продолжал подвозить и сыпать листву Димону на голову. Димону казалось, что он, наконец, нашёл

свой рай, свой покой, своих друзей. Каждый друг что-то хорошее шептал ему в ухо о том, что всё будет хорошо, что всё ещё впереди. Димон поднялся и похромал к лингвистическому университету. Экзамены уже закончились, но Димона должны были принять. Английский ему достался как подарок от детства после поездки в Штаты. Конечно, Димон не знал никаких правил, не мог читать правильно и красиво, но чудесно изъяснялся на каком-то американском диалекте, его понимали американцы. Это давало ему весомое преимущество перед другими студентами, и его, после недолгих манипуляций с деньгами, приняли на второй курс. Учёба двигалась незаметно и легко, Димон нашёл своё призвание, ему казалось, что жизнь, наконец-то, полюбила и его. В придачу к английскому он стал изучать ещё и японский. Одно только тревожило Димона, что ему предстояло в будущем работать в школе, с детьми. Это было страшно, он не умел и боялся работать с детьми.

После университета Димон уехал во

Владивосток, сдал спичикан тест и поехал работать в Японию. Была осень. В японском саду плавали карпы, и камни очаровывали своей простотой. Культурный шок накрыл Димона сразу, да так, что он не мог понять, как теперь жить и чем заниматься. Единственным русским был священник в местной православной церкви, он слушал Димона после службы и предложил ему работать поваром в своём маленьком приходе. Но Димону хотелось чего-то эдакого, нового опыта, который бы смог победить его растерянность и уныние. Священник, отец Елистрат, покрестил Димона и пристроил на работу в соседний храм, буддийский.

Димон учился читать мантры и выкладывать мандалы, через год его приняли учеником повара в столовую храма. Шеф-повар, Сенсей, был человеком большим, добрым и проповедовал путь самурая во всём. Коронным блюдом Сенсея была рыба фугу, которую разводили в пруду у храма. Фугу – рыбешка величиной с ладонь – серая, скользкая, глазастая, но если она пугается, то раздувается до огромных

размеров, выпускает ядовитые иглы, от яда которых можно погибнуть. Но путь самурая диктовал Сенсею готовить эту рыбку. Уо, он называл эту рыбку ласково «уо», злую и коварную рыбину он называл рыбкой. Для Сенсея эта рыбка была как курица для Димона, он мог приготовить из неё множество блюд и даже сакэ. «Сейчас вывели неядовитую фугу, но это не фугу. Вот фугу!» – и Сенсей толстым пальцем показывал на пруд, где плавали эти маленькие убийцы. «Фугу покажет тебе, кто ты есть, – говорил повар, – смотри!» Сенсей брал тонкую длинную иглу и втыкал её в рыбку, куда-то, где у неё печень, резким движением выдергивал и тут же погружал в стакан с сакэ. «Так не делай, если не уверен», – бормотал он для меня и залпом выпивал. Димон зажмурил один глаз, Сенсей смеялся и тут же умирал. Сначала паралич охватывал ноги, потом из рук падал и разбивался стеклянный стаканчик, челюсть дергалась, и приоткрывался рот, лицо приобретало форму маски из театра Кабуки. И только глаза смотрели на тебя осмысленно, но Димон думал, что

они больше похожи на перископы, чем на глаза. Сенсей вращал белками. Через минуту паралич проходил, и Сенсей, похихикивая, шёл в уборную. «Так не делай, если не уверен».

За несколько лет с Сенсеем Димон научился обращаться с фугу вертуозно. Его приглашали на работу в лучшие рестораны Киото и Токио и очень хорошо платили. А потом Димон вернулся в Россию. В его стране появились люди, которые захотели попробовать уо.

Димон не был в России больше десяти лет, мать изредка звонила ему по скайпу, рассказывала о чем-то, но рассказы эти в душе Димона не находили отклика. Теперь же Димон испытывал культурный шок, обычный для его жизни. Ресторан был японский, чопорный и щепетильный. Продукты доставляли самолетом рано утром и каждый день, прямо из Японии. Фугу заказывали редко, почти всегда селекционную, без яда.

Но сегодня был особый день. Поступил заказ, и из Японии доставили настоящую ядовитую фугу-уо.

Ночью Димону спалось плохо, снились рыбы, отец, белая царица, манхеттенский друг Фoa, который умер от передозировки, Сенсей и седой священник Елистрат. Елистрат крестил Димона со словами: «Ума палата, а ключ потерян». Под утро приснилась бабка и грозно спросила: «Кто сказал продавать дедовы медали?»

Встал рано, достал новый чёрный фартук и крахмальный колпак, долго застёгивал пуговицы на белой рубашке. Позвонил матери, сказал, что приснилась бабка и спросила про медали. Мать зевнула и равнодушно ответила: «Погода поменяется».

Опять осень. Такое впечатление, что в России Димон бывает только осенью.

Вчера Димон позвонил в ресторан и заказал фугу.

Сейчас Димон лежал на рисовых мешках, пустой стаканчик валялся на полу. Паралич уже прошёл, фугу-уо была хороша – настоящая. Димон встряхнул мешки с рисом, чтобы помощник-японец

не заметил помятостей – это церемония, и отправился в уборную.

О начале рабочего дня известил буддийский гонг. Димон вынес в зал два вида закусок, миску с рисом, сакэ и коронное блюдо – тонко порезанные, почти до состояния чипсов, кусочки смертоносной фугу-уо.

Так не делай, если не уверен.

Димон был уверен.

Светка

Луна сегодня была убывающая.

Это означало, что можно стричь волосы, ногти, они долго не будут отрастать, нельзя давать денег в долг, потому что не вернут. Светка не собиралась делать ни одного, ни другого, ни третьего. Она хотела отрастить длинные волосы и делать прически из косичек, ногти тоже хотелось длинные, чтобы не наращивать, а денег у Светки и вовсе не было. Светка работала в библиотеке, какие уж там деньги. Кроме всего прочего, начинающийся день полагался быть непочинным. Светка и сама толком не знала, что это такое, но в её семье всегда педантично высчитывался такой день на каждую неделю месяца. Традицию завела какая-то родственница, и с тех пор правил непочинного дня неукоснительно придерживались все женщины в Светкиной семье. Непочинный день всегда начинался ближе к обеду, не полагалось начинать никакого нового и важного дела, пробовать неизвестного блюда, пить непечатую бутылку вина, заводить друзей, зачинать детей. Но Светке

приходилось соответствовать вызовам будних дней и работать, поэтому многое из запрещенного приходилось негласно нарушать, вот сегодня она должна была начать инвентаризацию.

Светка надела мышинный складской халат.

Надо было пересмотреть библиографию, формуляры, найти самые востребованные экземпляры книг и снять с полок давно забытые читателями, поставить тележку на рельсы, проехать между стеллажами, складывая горками пыльные обрезы давно нечитаемых книг. Читали сейчас совсем мало: школьники по программе, остальные спрашивали тонкие замусоленные детективы или разрекламированные бестселлеры. Иногда появлялись странные личности и спрашивали что-нибудь эдакое, тогда Светка бежала в хранилище и начинала судорожно выискивать требуемое. Недавно вот пришёл какой-то парень и спросил Салтыкова-Щедрина, всё собрание сочинений. Светка на тележке вывезла ему все томики. Парень сидел целый день, перебирал ссохшиеся странички, поглаживая

пальцем светло-коричневые корешки с выдавленными римскими цифрами. Совершенно непонятно, что он хотел в них увидеть. Уходил парень перед самым закрытием библиотеки, Светкиному удивленному лицу он сообщил, что лет двадцать назад его мать подарила эти книжки библиотеке, а теперь потребовала, чтобы сын сходил в библиотеку и проверил, пользуются ли её дарами читатели. Светка открыла форзац: «В дар городской библиотеке от Заменковой Зои Михайловны». Видно, что Зоя Михайловна была на редкость занудной женщиной, дарственная надпись была сделана очень аккуратно чернильной ручкой, буквы на каждом томике были одного размера, наклона и вообще ничем не отличались. «Очень занудная женщина», – целую неделю думала Светка и не отвозила многотомник в хранилище.

Но сегодня был непочинный день, и Светка не собиралась возиться с книгами, надо было изобразить видимость начала работы с книжным фондом, начальница за этим строго следила. Светка

выдвинула ящички картотеки, открыла инвентаризационную книгу и перевезла тяжёлую тележку поближе к дальним стеллажам. В книге размашистым Светкиным почерком была проставлена дата: сентябрь 2016. Начало было положено. Теперь можно было пить чай, играть в «Косынку» на стареньком компьютере или просто смотреть в окно на стаи бродячих собак, пытаюсь понять вчерашние ли это собаки или прибились новые.

Светке было тридцать пять, у неё был муж, трое детей и собака – всё, что полагалось для счастья приличной женщине, но Светка особого счастья не ощущала, ей всё время казалось, что жизнь проходит мимо неё. Она почему-то считала, что всё в её жизни совершенно случайно, а вот в скором будущем события начнутся по-настоящему счастливые, и будут в её жизни и любовь, и счастье, и непередаваемые ощущения. Но это будущее все никак не наступало, и Светка совсем отчаялась ждать, даже иногда забывала, что нужно ждать.

Приходилось себе напоминать, стимулировать, так сказать. Светка тайно выписывала толстый глянцевый журнал с гороскопами, который составляли очень известные астрологи. Денег на такой журнал у Светки не было, и она выписывала его для нужд библиотеки, за муниципальный счет. Это было воровство и подлог, но Светка оправдывала это своё преступление собственными слабостями, которые должны быть у каждой настоящей женщины. Иногда Светке ночами снилось, что её вызвал к себе главный по культуре их района и грозно спрашивает, как она так нерационально разбазаривает районные средства. Светка краснеет, путанно объясняет своё поведение, а потом так невинно улыбаясь заявляет: «Я ведь женщина!» Главный её прощает и отпускает, ведь она и правда молодая и привлекательная женщина. Именно только так Светка про себя и думала.

Сегодня ближе к полудню придёт почтальонша и принесёт журнал и ещё кучу тоненьких газеток. Светка, дежурно поблагодарив,

спрячет журнал в бюро, а газетки веером разложит на журнальном столике у входа. Потом будет ждать до пяти часов, когда можно будет замкнуть входную дверь и, делая вид, что приводит в порядок читальный зал, вдоволь начитаться гороскопов, удивиться, усомниться и ещё раз перечитать, постараться запомнить и наконец – выписать важные моменты в блокнотик. Где-то в самом глухом закоулке своего мозга Светка понимала, что гороскоп не может не сбыться, все фразы в нем очень уж общие и подходят к любой ситуации, понимала, что не могут все овны в один день разбогатеть, как не может на каждого из стрельцов упасть старое дерево на улице Голощапого. Но должен же кто-то там наверху помогать Светке в её непростой жизни.

Светкина жизнь сложилась так, как сложилась, и, между прочим, многие ей завидовали. Светка считала, что завидовать нечему, но гордилась собственной прозорливостью и везучестью, ведь у неё было то, что многие уже отчаялись иметь – семья, дети.

Светка всегда была тощей, бледной. Грубые, как вроде несколько преувеличенные черты лица, правильные, но не вызывающие желания любоваться. Светкина фигура была её лицом: подтянутая, никаких намеков на живот три раза родившей женщины, стройные, в меру длинные ноги с округлыми коленками, и, что самое странное при её худобе, грудь большетретьего размера. Она нравилась мужчинам, ей оборачивались в след, но она этого как бы и не замечала. Хотя нет, объективно – нет. Она всё замечала, но не понимала, что с этим вниманием делать, как им пользоваться. Светка была скучная, все её поступки были правильными, она никогда никого не расстраивала, умела вести себя прилично, тихо радоваться, не показывать огорчения. Светка читала скучные любовные романы, вязала тунисским крючком, рецепты любимых блюд хранила в отдельной книжице, вечерами смотрела любимый сериал. У неё даже была особая девичья тетрадь, в которую она очень аккуратно записала советы о том, как привлечь и удержать мужчину. В

общем-то, имея все приметы старой девы, она сумела в двадцать выйти замуж за своего Коленьку и родить троих сыновей, таких же тощих и белёсых как сама. Коленька был мужем по расчету. Нет, конечно, Светка его любила какой-то своей особенной тощей белёсой любовью, но этот брак Светка рассчитала. Коленька был до подробностей похож на Светкиного отца, тихого работающего домоседа, который, кроме юбки жены, никаких юбок больше не задирает. Разница в пять лет, умеет гвозди забивать, все выходные проводит в гараже или на рыбалке, смотрит футбол и рассуждает о политике, пьёт пиво с сушёными кальмарами, из тарелки ест всё, что туда ни положи, лучший подарок – носки и пена для бритья, исполнение супружеских обязанностей раз в неделю, в выходной, в классической позе «бутерброд». Никаких неожиданностей. Никакого разнообразия. Все надежно и привычно. Разве что иногда напьётся до положения риз, шумит, машет руками, потом – спит, сутки болеет, месяц чувствует вину и старается угождать.

Заскрипела входная дверь. Отряхая башлык тёмной суконной почтарской шубы, в зал вошла почтальонша. Светка, сидя за высоким бюро, пила чай и разглядывала в окно собак. Почтальонше пришлось стукнуть тяжелой сумкой о край полированного бюро, чтобы Светка отвлеклась от своих мыслей.

– Периодика? Газеты-журналы?

– Она самая.

Почтальонша громко, вслух, коверкая названия, прочитала список и выложила на стол стопку газет и несколько журналов. Светка попыталась равнодушно посмотреть на гору изданий, пахнущую полиграфией и рыбными пальцами почтальонши, но глаз невольно выхватил красивый корешок журнала с гороскопами. Светка довольно выдохнула: «Спасибо. Вот вам пряник за труды» и расписалась в ведомости.

В непочинный день работать тяжело, но надо. Светка решила снять с верхних полок книги. На них всегда стоит та литература, которую никто не читает,

но которая непременно должна быть в любой библиотеке. В Светкином варианте это были словари и многотомники: Брокгауз и Ефрон, толковники Даля и Ожегова, подарочные варианты Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Светка принесла большую лестницу и влезла наверх. Доставать книги было неудобно, складывать некуда, а бросать было нельзя, вдруг порвутся или зайдёт начальница. Светка задумалась. Сидя на самой верхней ступеньке лестницы и перебирая указательным пальцем листки первого попавшегося словаря, она открыла Даля на букве Д. «За старым жить, только век должить; за малым жить, только маяться; за ровней жить – тешиться». Светкины пальцы дрогнули, и книга полетела вниз, траекторией своей зацепляя другие полки, книги, пока, наконец, не упала на кипу свежих журналов и газет. На грохот прибежала начальница, обозвала Светку криворукой и села пить чай в кресло за фикусом. Светка на трясущихся ногах спустилась с лестницы и долго, под нос себе, что-то бормотала про непочинный день, книжную пыль и

темноту в глазах.

После обеда стали приходиться читатели. Школьники смотрели новые журналы, просительница из приюта взяла несколько детских списанных книг, из архива пришла практикантка и что-то долго выписывала из подшивки местных газет за прошлый год, постоянный читатель взял Кинга. Потом Светка опять пила чай с начальницей, и уже в конце рабочего дня опять пришел сын дарительницы Салтыкова-Щедрина. Он сказал, что решил забрать книги матери из библиотеки, как память, как реликвию, ведь их совсем никто не читает, вон даже цветы, которые он сушил в детстве в одном из томов, сохранились. Светке было стыдно за весь мир перед этим странным парнем, но книги она отдать ему не могла. Не было ещё случая, чтобы дарители раздумывали и забирали свои подарки обратно. Пока Светка охала и стонала, призывала его одуматься, ведь зачем нормальному человеку в доме Салтыков-Щедрин. Место занимать? Память? Кто в наше время память в книжках хранит? Подумать только,

одиннадцать томов! А они в библиотеке на подотчёте. Парень молча смотрел на Светкину суматоху и пообещал вернуться завтра.

Усталая Светка заперла за читателями входные двери и погрузилась в свои гороскопы. Богиня астрологии в красном платье держала на ладони прозрачный шар и обещала Венеру в Плутоне, Рыб в Стрельце и отсутствие седых волос в причёске, если кто покрасится хной на убывающей луне. Два раза Светка перечитала свой гороскоп, все у неё должно было быть хорошо, только одна фраза не давала ей покоя, что на этой неделе у неё в жизни произойдут неожиданные события и ей придётся отдать то, что она отдавать и не планировала. От беспокойства Светка даже решила больше чай не пить, а всё обдумать обстоятельно. Конечно, в её жизни не всё было просто, многое отдавать не хотелось. Вот, например, у неё был молодой любовник. Для него она взяла кредит в банке и полгода уже не платила. Судебные приставы могли приехать в любой момент и начать описывать её имущество. Светка

представила, как в её отсутствие приставы заявятся к ней в дом и начнут всё выносить. Холодный пот даже пробил, когда она представила выпученные глаза своего мужа Коленьки, непонимающие лица детей, когда у них из комнаты станут забирать недавно купленный компьютер. Светка обмерла. Ей вдруг вспомнились слова из словаря про мужей, которые она прочитала, сидя на верхней полке. «За старым жить, только век должить; за малым жить, только маяться; за ровней жить – тешиться». Со своим мужем Коленькой она тешилась, как же спокойна и хороша была их семейная жизнь. Любовник был ласков и горяч, из-за него хотелось Светке и малолетних детей бросить, и Коленьку. Светка представила себе жизненные весы: на одной чаше Коленька с детьми, на другой любовник и судебные приставы. Светка даже не представляла, что если одна чаша перетянет другую, то что это будет для неё значить. Душа рвалась. Маята одна, одним словом.

Сегодня был конец недели, пятница. События по гороскопу должны были произойти совсем скоро.

В ближайшие два дня. Что ещё могло поменяться? Что Светка могла отдать из того, что ей отдавать не хотелось? Чертов гороскоп заставлял думать Светку о том, о чём думать ей совсем не хотелось. Он заставлял бросить тунисский крючок и интересный сериал, требовал думать о переменах и потерях. Ещё Светке совсем не хотелось отдавать стиральную машинку-автомат, какое же это чудо. Оно принесло в её жизнь наслаждение стиркой, отсутствие необходимости каждый вечер в ванной париться и краснеть над тазиками с бельем, носками и мужскими, большими и маленькими, рубашками. Ещё Светке не хотелось отдавать своего старого пса, его было жаль. Ещё Светка дорожила своей работой, хоть и невелика была библиотечарская зарплата, работа была спокойная, красивая, уважаемая и в тепле.

Обдумывая гороскоп, Светка закрыла библиотеку и направилась домой. Сумерки были синими и только мужской силуэт вырисовывался голубым на фоне пустой улицы. Светка поняла всё и сразу. Наследник Заменковой Зои Михайловны

пришёл забрать свой многотомник Салтыкова-Щедрина нелегально, раз по правилам возврат даров не полагался. Светка молча открыла библиотеку и устало ждала, когда наследник вынесет аккуратные стопочки коричневых книжиц и погрузит в открытый багажник автомобиля.

- Знаешь, мы с тобой больше не будем встречаться. Ты не звони. И сюда не приходи. С кредитом я сама рассчитаюсь, не беспокойся. Пусть всё будет так, будто тебя никогда не было в моей жизни.

Светкин любовник равнодушно пожал плечом. Ему было всё равно. Теперь уже всё равно. Ведь под переплётами старых книг не было Михаила Евграфовича, а были дореволюционные издания философской энциклопедии под редакцией Ульянова-Ленина, стоившие немалых денег у перекупщиков.

Лера

Была осень: жгли листву и картофельную ботву, воздух пах солёным дымом и прелой травой. Последние георгины и астры безжизненно висели головами вниз, и было в этом что-то щемящее и грустное.

Лера сидела, обхватив лицо руками, на скамейке в городском парке. Хотя нет, неправильно. Валерия Петровна дышала воздухом в парке. Леры давно уж нет. Валерии Петровне всё кажется, что зовут её, если кто-то кричит: «Лерка!» Прошли годы, и Лера стала Валерией Петровной, кричат уже не ей, а вкрадчиво касаются пальчиком плеча и, заискивая, очень тихо говорят: «Доброе утро, Валерия Петровна».

Лера сняла со своих красивых рук перчатки и достала пачку дамских сигарет, но закурить всё как-то не решалась, маленькая пачка была зажата в кулаке. Нет, не пачку она держала сейчас в руке, а свое сердце, своё маленькое красивое трусливое сердечко, которое стучало и стучало. Работу надо

искать. Дама из службы городской занятости быстро взглянула в Лерино резюме и бросила: «Финансовых вакансий нет». Лера решила не курить, вдруг кто-то из знакомых увидит. Лера вела прекрасный здоровый образ жизни: не пила, не курила, жвачку не жевала, ресторанов не посещала. Лере хотелось, чтобы о ней все думали, как о человеке без грехов. Пачка сигарет была брошена в сумочку, а из чёрного сумочного нутра на свет появился белый лист бумаги. Надо выплачивать ипотеку и кредит за отпуск, следовательно, нужна работа. На листе карандашом крупными буквами было написано: «Былков Константин Иванович». И номер телефона. Лера долго изучала фамилию, имя, отчество, прочитала номер целиком и по одной цифре. Константин Иванович. Костя. Костик.

Когда-то давно, после школы, Лера хотела поступить в иняз и целый месяц ходила на курсы английского. Почему-то сейчас ей это вспомнилось. Future-in-the Past. Есть такое английское время – будущее в прошлом. Как это сейчас подходило к

Лериной жизни, всё её будущее было в руках прошлого. Это прошлое, Past, как пасть разъярённого дикого животного, была разинута над ней, с клыков капала слюна, и отвратительно пахло внутренностями.

Как счастливы люди с розовым прошлым. Лера всегда им завидовала: они ходят на встречи выпускников, встречаются в ресторане, поздравляют с праздниками кучу народа, они не боятся жить, не боятся внезапных встреч, звонков на телефон с неизвестного номера. Как же здорово бывает раз в пять лет на очередной встрече сказать: «А ты помнишь?» И долго потом пересказывать, что было, перебивая, со смехом, друг друга, и слушать подробности, кто и как запомнил.

Лера была лишена такого счастья и всё из-за этого вот Костика, Константина Ивановича. Хотя, как посмотреть, и виноват ли в этом Костик, или она сама, Лера. Но ей, во всяком случае, казалось, что во всех её неудачах и страхах виноват именно Костя.

Давно уже Лере пришлось сменить несколько

школ, уехать из родного городка, закончить институт, получить нелюбимую профессию, вернуться в свой городок и работать, мечтая никогда больше не встретить ни одноклассников, ни Костика. И вот теперь возник он в Лериной жизни, такой нужный и такой ненавидимый и избегаемый, что хотелось плакать от бессилия, повесить голову, как эти астры и георгины, и замёрзнуть навеки. Работа нужна. Десять лет Валерия Петровна работала в муниципалитете финансовым консультантом, но теперь пришёл новый начальник со своей командой и её «попросили». Приходится искать работу, где придётся. Но работа никак не находится, везде «свои», или «только взяли», или «вы нам не подходите», остался только вот этот шанс, который ей дала бывшая коллега, тайком засунув в сумочку листок бумаги с номером телефона. Сказала, что хозяин мужик нормальный, хорошо платит и ему сейчас просто позарез нужен толковый бухгалтер. Когда Лера, уже дома, развернула лист, ей захотелось бежать, упаковать чемодан и бежать из городка, не

оглядываясь. Такой исход представлялся Лере единственно возможным и совсем невозможным одновременно. Единственно возможным – по совести, совсем невозможным – по финансам. Лера просто ненавидела слово «финансы». В детстве она хотела стать учительницей, но после происшествия с Костиком это стало невозможным. Так, по крайней мере, ей казалось. Прошлое могло внезапно всплыть, даже наверняка бы всплыло, и обнаружить Лерины тайны и грехи. Есть некоторые личности, которые, окончив школу, забывают про эти годы навсегда, мало ли с кем их сводила жизнь, чтобы они одиннадцать лет сидели в одном кабинете, в одной школе, ели в одной столовой, ходили на общие праздники. Эти личности потом не помнят имен и фамилий своих одноклассников и учителей, даже с трудом вспоминают номер школы, где они учились. Лера считала этих некоторых личностей счастливыми, потому что она так не могла. Вероятно, можно было прикинуться непомнящей, но Лера-то про себя знала, что всех она помнит и ничего не

забыла.

Костик возник в юной Лериной жизни абсолютно случайно и благодаря тому, что родители купили компьютер.

Целый месяц Лера смотрела мультики и кино, раскладывала пасьянс, а потом родители провели интернет. Мама сказала, что в интернете много всякого хлама и интернетом можно пользоваться только с разрешения, заходить на проверенные сайты. Сайты, может, и были проверенными, но реклама тогда, в начале 2000-х, была везде и вылезала буквально из-за любого закоулка: груди, попы, высунутые языки и недвусмысленные телодвижения голых людей. Лере не то чтобы это всё нравилось, но вызывало интерес. После школы, когда родителей не было дома, она просмотрела все недетские сайты, несколько порнофильмов и пришла к выводу, что, если хочешь любви, надо вести себя, как эти тётки. Конечно, вести себя так сексуально в обычной жизни Лере бы никто не позволил, и она зарегистрировалась в одной известной социальной

сети. Общаться виртуально Лере не очень хотелось, она мечтала завести себе парня, чтобы можно было с ним ходить гулять, обниматься и целоваться в губы, показывать завистливым подружкам, чтобы он дарил цветы и водил в кофейню, а ещё читал стихи и каждый вечер шептал в телефонную трубку: «Спокойной ночи, любимая!» Ну, а когда-нибудь потом можно бы было и сексом заняться, если уж очень будет хотеться. Для осуществления своих замыслов требовалось малое, привлечь кого-нибудь симпатичного к общению. Прошла неделя, но подходящий кандидат никак не находился.

Лерины воспоминания были нарушены телефонным звонком, звонила та самая коллега, которая наградила Леру Костиными координатами. Пока Лера держала в руке жужжащий телефон, размышляя, стоит ли отвечать, вызовы перестали поступать. Это сломало последнюю Лерину уверенность в своей особенности и необходимости, надо было попытаться уцепиться за соломинку. Костик уже мог и забыть про свои школьные годы и

вообще не придавать никакого значения тому давнему происшествию. Лера набрала номер Костиной конторы. Долго не отвечали, а потом – молодой женский голос.

– Алло?

– Здравствуйте. Я Валерия Петровна Кубасова, бухгалтер. Я бы хотела поговорить с Константином Ивановичем.

– Здравствуйте. Его сейчас нет, но мы вас ждем завтра в 11 часов, мы очень заинтересованы, чтобы вы работали у нас. Записывайте адрес.

– Да-да, секунду. Я достану блокнот.

Пока Лера торопливо, карандашом, коряво записывала адрес, спутанные мысли и обрывки фраз метались в её испуганной красивой голове. «Очень заинтересованы! Очень ждём! Офис на дорогом месте центральной улицы. Не бедствует».

Тогда, много лет назад, Лера тоже недолго размышляла. Она стала заходить на страницы всех парней, что жили в её городке, пока не нашла Костину страницу. У него была красивая

фотография и романтическая запись: «Ищу тебя!» Лера несколько раз моргнула длинными красивыми ресницами и написала: «Хочешь меня?» И отправила ему свою фотографию в полный рост. «А сделай фотку, где ты голенькая?» – быстро пришёл ответ. Лера ещё раз моргнула и ответила: «Хорошо». И стала думать. Одно было смотреть порнографию, а другое – в ней участвовать. Но очень уж хотелось завести парня, а все парни ценят секс и сексуальные фигуры, больше их ничего не интересует. И тогда, и сейчас Лера думала одинаково, подростка и зрелую женщину опыт и знания не разделяли. Но тогда ещё была надежда, что её оценят, а сейчас надежды почти не осталось.

Лера достала фотоглаз, как называл его папа, и прицепила к полке. Лера решила сфотографировать свою грудь. Но голая грудь на фотографии вышла как цыплячья грудка, плоская и несексуальная, неспособная привлечь красивого парня. Тогда Лера достала из шкафа красный мамин бюстгальтер, подложила в него ваты и надела. Получилось

неплохо. Отправила Косте и стала ждать ответа. Костик что-то медлил. Ответ пришел через сутки: «Красивая грудь! Но я же просил, чтобы голая была, и не только грудь, а вся целиком и ноги раздвинуть не забудь!»

И тут Леру понесло.

Она решила не делать фото, а сразу – видео. Сняв с себя одежду, накрасив губы и глаза, Лера ощущала себя необыкновенно красивой и желанной. Она медленно прошла мимо камеры, крупно демонстрируя ягодицы, прилегла на диван раздвинула ноги и положила между них холодный желтый банан из холодильника, было не очень приятно, но возбуждало чертовски. Полежав так немного, она перевернулась на живот, постояла рачком прямо в глаз камеры и, напоследок, поцеловала и лизнула объектив. Дело было сделано, и файл немедленно отправился к Костику. Лера не сомневалась, что теперь-то ему всё понравится. Ответ пришел быстро, Костику всё очень понравилось: «Хочу тебя!»

Костик назначил Лере свидание, но на него не пришёл. Лера ждала своего друга целых два часа на автобусной остановке, но всё было зря. Вечером от Костика пришло сообщение: «Лерочка, извини, что не пришёл. Хочу тебя... Хочу тебя попросить принести мне тысячу рублей до пятницы, иначе все твои друзья, знакомые и одноклассники узнают, какая ты без одежды».

Лера плакала долго, читая сообщение вновь и вновь. Она впервые столкнулась с таким вероломством. Оказывается, мужчинам вовсе не её прекрасное тело нужно, а деньги. Как водится, таких денег у Леры не было. На обед в школе родители выдавали пятьдесят рублей и ещё двадцать на маршрутку, итого 70 в день и 350 в неделю. До пятницы тысячу отложить было нереально. Где хранят деньги родители, Лера не знала. Пришлось честно написать мальчику, что таких денег у неё нет. Он не настаивал, только ответил: «Не хочешь – не надо». И всё, вроде бы, успокоилось. Лера продолжала ходить в школу, как обычно.

Только через месяц начались последствия. Лера пришла в школу и в гардеробе встретила одноклассницу, которая вместо приветствия прошипела: «Как твои дела, звезда порносайтов?» Боже! Все оборачивались ей вслед, что-то шептали, смеялись. Лера поняла, что Костик выполнил свою угрозу. Что было потом, Лера плохо помнила, её вызывали к разным психологам, приводили печального Костику, кстати, в отличие от интернета, он не был красив, даже просто приятен не был, прыщавый, худой. Мама плакала, папа ушёл из дома, громко хлопнув дверью. Лера две недели не ходила в школу, сказала маме: «Переводи меня в другую, или давай уедем отсюда». Мама её перевела, но дурная слава преследовала Леру. Пришлось пройти все школы городка и потом уехать доучиваться к бабушке в кубанское село, это очень далеко, и Леру там никто не знал.

С тех пор Лера не верила мужчинам. И всё шло не так, как хотелось.

А теперь жизнь сталкивала Леру с Костиком

опять, и опять весьма жестоко. Хотелось не плакать, выть. Выть о безысходности и возмездии, случайности и предназначении. Лера всё-таки закурила, отвернувшись от всего мира, выпуская носом дым, любуясь, как дым её сигареты смешивается с солёным дымом осенней листвы и сухой картофельной ботвы. Вот если бы она, Лера, могла так раствориться, как сигаретный дым, смешавшись с толпой, став молекулой.

Лера надела перчатки на свои красивые руки и встала со скамейки. Что уж теперь сидеть, надо продолжать движение. Зайти в супермаркет, купить корм собаке и себе кефиру. Коньяк? Нет, завтра нужна свежая голова. Хотелось понять, помнит ли Константин Иванович, что был когда-то Костиком, помнит ли, что Валерия Петровна была когда-то Лерой.

Старуха у супермаркета просила милостыню, Лера никогда не подавала, но сегодня подошла и вложила в сухонькую ладонь сто рублей. Старуха ухватила Леру за карман: «Не осуждай! Не осуждай!

Чести к коже не пришьешь, коли нет». Лера остолбенела, она с ужасом всматривалась в старушечье лицо. Неужели старуха знает что-то? За спиной засмеялись: «Она была социальным педагогом в твоей школе». За Лериной спиной стоял и улыбался Былков Константин Иванович, на свиданье он принёс букет алых роз и своё запоздалое извинение.

Матвей

Солнце ещё не село, а только спряталось за крыши домов напротив. Только пыль от проезжающих машин висит в воздухе, на клумбах качаются какие-то непонятные цветы. Нет, они, конечно, понятные, какие-то там петунии, львиные зевы и космеи, но пыльные и грязные, как и мы вечерние, их даже и не хочется рассматривать. Ветер дунет на них, но пыль не смахнет, и они бесконечно качают и качают своими пыльными головками. Кажется, вот этот порыв оторвёт им головки, уронит в пыль, а стебельки так и останутся качаться ритмично из стороны в сторону, будто им эти головки и не нужны были вовсе. Земля у ног цветов треснула и, как губы, лежит в кривой усмешке, ей, земле, и цветам, и мне, нам хочется пить...

Аптека в сером панельном доме на первом этаже. У этажа жёлтое помпезное двухэтажное здание, понты местных предпринимателей. Городским властям не хочется вкладывать деньги в

благоустройство, а красоты и прибранности в городе очень хочется. Здесь-то и сходятся интересы городских толстосумов-бизнесменов и мэров. Одни разрешают витиеватую постройку где-то в центре города, хоть и не памятник культуры, а всё же культурный вид городу придаёт, облагораживает, а вторые им за это у постройки клумбочку, и с растительностью попышнее делают, или остановку общественного транспорта приютят, чугунную кованую скамеечку поставят. Вечерами чугунная лавочка пользуется популярностью у гуляющих и отдыхающих, и просто недошедших после работы домой.

Матвей сидел на скамеечке в одиночестве, расставив подле себя целую роту пивных бутылок: пустых, полупустых и даже полных. Пил изо всех одновременно, то из одной, то из другой, но бутылки не убывали, а только добавлялись. Редкие будущие пассажиры общественного транспорта старались на Матвея не смотреть, стыдно лезть в чужую жизнь, пусть и опустившегося человека, но в чужую. Матвей

пил и смотрел на всех синими бессмысленными глазами, хлопал ресницами и припадал к спинке лавочки ссутуленной спиной, тёр ладонью коленку, поднося очередную бутылку к разбитому рту. Каждому новому ожидающему рыгал в спину, сопел и протяжно гудел: «А! А-а-а... А... Ак!» Затем брал в руку бутылку «Быка», пил двумя-тремя глотками, со звоном ставил куда-то вниз, сопел и тёр руками колени. Старухи во дворике напротив поглядывали на Матвея возмущённо, перешёптывались и в такт звякающим бутылкам качали головами. Они знали Матвея давно: знали, как родился, женился, сходил в армию, развёлся и снова женился, и снова развёлся и женился, а потом, уже не женясь и не разводясь, водил к себе женщин, на ночь, на три месяца или на дольше, как получится... Но больше всего они знали про то, как он пил... И обсуждали в подробностях, ибо более говорить было не о чем.

С первого взгляда, даже и не знаю, почему, Марина узнала Матвея. Хотя видела его на этой скамейке впервые, да и вообще видела, наверно, в

третий раз в своей жизни. Познакомились они с ним лет десять назад. Впрочем, знакомством это тоже назвать трудно. Как-то в ресторане Марина с подружкой сидели и пили пиво, или ели мороженое, или так сидели и болтали. Был вечер, а вечером в ресторане все танцуют. Ну, или почти все. Он подошел к Марине, склонился над стулом и вытянул руку вперед, показывая, что хочет с ней танцевать. Танцевать Марина никогда не отказывалась, ведь это ни к чему не обязывает, не все любят танцевать, а Марина любит. И некоторые тоже любят, короче, они двинулись в танце, мягко, ноги у кавалера уже плохо сгибались.

- А ты танцуешь,- сказал он с удивлением и остановил взгляд на её груди.

- А чё сисек нет? Хоть бы чего подложила или вверх подняла, знаешь, такие балконы есть, - и он показал руками неопределенное движение вверх. - Поднимают и ничего смотрится.

Он захрюкал и мокрым носом уткнулся в её небогатую грудь и хрипло зашипел:

- Пойдем ко мне, а? У меня вино есть, и эти... Я их не люблю, но для тебя купил. Тебе понравятся... Эти... Клеветки и устрицы...

- Пойдем уже! - подруга дернула Марину грубо за юбку.

- Сколько можно его сопли собирать, смотреть противно.

И подруги вышли из ресторана.

Луна была полной и висела аккурат над автомобильной трассой. Марина тоже чувствовала себя полной... полной дурой. Подружка продолжала что-то недовольным громким голосом ей выговаривать:

- Нашла с кем танцевать, говорила же тебе, нормальных мужиков пошли снимать, а ты со всяким мужичьём пьяным обнимаешься, да кто на тебя после

него посмотрит. И себе вечер испортила, и мне, нашла тоже кого...

Подруги стояли лицом к этой полной луне, и она светила им в лицо, и было похоже, что это и не луна вовсе, а какой-то мистический летающий корабль, сейчас отворится дверь-люк и некто, в фосфорицирующем скафандре, поведёт их внутрь. Пришельцы в городе!!! Но дверь не отворилась, а со скрипом раскрылась пышущая пасть ресторана и подругам под ноги упал мертвецки пьяный Матвей. Это Марина уже наутро узнала, что его зовут Матвеем.

- Опа! - подруга звонко хлопнула себя по коленке, коленка была холодная, и звук получился смачным и резким. - Вот и друг твой, танец продолжить хочет.

Она повернулась на каблуках и ушла навстречу полной луне. Марина посмотрела ей вслед, на её черную, резко очерченную на фоне полной луны фигуру и подумала, что все мы полные. Я -

полная дура, она – просто полная, оттого злая и без мужа, а луна полная, как назло.

Матвей лежал у ног Марины и держал её за щиколотку.

- Пошли домой? – сказала Марина ему.

- Пшли! – сказал он ей и чему-то улыбнулся. – У меня для тебя есть вино и клеветки, и устрицы.

- Надо говорить криветки! – зачем-то поправила его Марина.

Он только улыбнулся. Было на взгляд ему лет 40, если сделать скидку на пьяное состояние и сделать поправку, лет на 35-45.

- Ты где живёшь?

- Там! – И он неопределённо махнул рукой, будто опять приглашал Марину танцевать.

- Тогда – веди! – со смехом приказала Марина ему.

И они пошли. На удивление, для пьяного и только что валявшегося на асфальте, он шёл быстро и уверенно, так, что Марине даже пришлось ускорить шаг.

Тогда они спали вместе на его двухместном диване, накрывшись колючим узбекским покрывалом. Его рука лежала на её пупке, с лицом в подушке он страшно, подвываяюще храпел. Марине хотелось его перевернуть, но было страшно, что он проснётся. Ушла она, чуть стало светать, по сумраку и мокрой от утреннего дождя и тумана дороге. Натужно гудели поезда на сортировочной станции, колготки отсырели в росе, и Марине очень хотелось холодного лимонада и какую-нибудь зашибенную сигаретку.

Тогда впервые она провела ночь без сна, без секса, в постели незнакомого мужчины, наверно, она, как мать спящего хворающего младенца, совершала подвиг во имя человеколюбия и человекобезопасности.

Этот случай Марина помнила всегда. И, когда во второй раз увидела Матвея, сразу вспомнила его, и какой она была полной дурой. Случилось это года через два после первой их встречи. Зимой темнеет рано, всем известная истина. Марина в темноте добиралась домой после работы. Автобусы шли плохо, она замёрзла и тёрла щёки варежкой. На противоположной стороне дороги какой-то мужчина тоже долго ждал автобуса, напряжённо вглядываясь в темноту и поворачивая голову из стороны в сторону. Марина ещё подумала, что вот, мол, она не одна зимой в темноте добирается домой с работы и ждёт транспорт.

Не успела она подумать, как мужская фигура с противоположной остановки стала быстро приближаться к ней. Марина испугалась.

Фигура уже почти приблизилась и громко крикнула «Чё?»

- Чё ты меня зовешь? - завёл он разговор, пытаясь разглядеть её в темноте.

- Я вас не зову, - испуганным голосом промямлила Марина.

- А чё машешь?

- Ничего я не машу!

Марина начинала взвинчиваться.

- Ну, лицо руками трёшь, что ли? А я думаю, зачем ты меня зовешь?

Подошёл спасительный автобус, и Марина, ловко повиснув на цыпочках на верхней ступеньке, почти ввалилась в пустой салон.

- Поехали! - почти выдохнула она водителю. И он, быстро оценив ситуацию, закрыл дверцы.

Матвей остался на холодной зловещей остановке. Марина узнала его.

Кто думал, что на этом вторая встреча завершилась, очень ошибся. Как ошиблась и Марина, думая, что избавилась от маньяка с автобусной остановки. Станным кажется поведение некоторых, но это только в том случае, если вам не известны его

мотивы. Мотивы Матвея были неизвестны. Но он стал преследовать Марину на следующем за первым маршрутном такси и, когда Марина вышла из своего транспорта и делала пересадку, увидела, нет, услышала, как кто-то истошно кричит за её спиной: «Эй! Девка! Девка!» Матвей бежал по скользкому асфальту, непонятно, каким образом, но умудряясь ловко лавировать между телами и огнями проезжающих машин. Он бежал за Мариной. Если бы не его сумка, висевшая на боку, она значительно сбавляла его скорость и ловкость, он бы догнал её. Марина не видела погони и не торопилась. Что-то надо было делать, встреча с ним обещала что-то непонятное, но, конечно, ненужное и проблемное. Марина запрыгнула в микроавтобус знакомого водителя маршрутного такси и проорала ему в ухо, перевесившись за стойку: «Двери закрывай!» Он послушно закрыл двери, и они поехали. «Поклонник?» Отвечать было некогда, нужно было убедиться, что Матвей остался в темноте, и убедиться, что это действительно был Матвей. Это был Матвей.

С тех пор прошло достаточно лет. Марина стала молодой женщиной, а он — молодым стариком. Они не знали никогда друг друга, даже не были просто знакомыми, то, что они пересекались где-то и как-то, значения не имело ни для него, ни для неё. А вот сейчас Марина его узнала. Он валялся в пыли остановки, запутавшись ногами в головках цветов на клумбе, политый липким пивом, под осуждающие взгляды старух, его ровесниц.

Будить его было бы не правильно, звать — бесполезно, Марина тихонько пошевелила его носком туфельки где-то в районе лица. Думала, ничего не случится. Но он ловко, как когда-то раньше, ухватил её за щиколотку и стал подниматься по её ноге, тяжело дыша и причмокивая губами, завалился на её плечо, пришлось сесть на лавку: стоять с ним, а точнее под его тяжестью, Марина не могла. Пиво, пролитое на лавку, быстро просочилось ей сквозь юбку, и зад стал предательски влажным. Но выбирать уже не приходилось. Он, Матвей, посмотрел в её лицо, улыбнулся пьяной и кривой

улыбкой, сказал: «А я тебя знаю!» Сердце Марины удивилось и забилось сильнее, разум шепнул: «Сомневаюсь». Марина промолчала, и он продолжил:

- Ты – Людочка! Из Омска!

- Как догадался?

- А! У меня прекрасная память на бабские лица!

- Я тебя звал!

- Когда?

- Сама знаешь, когда! И ты! Приехала!

Он восторженно ухватил Марину за колено и стал мять его.

- И ты! Приехала!

- Нет... Я здесь живу.

- Ты врала мне!

И он стал гневаться, что-то пьяно бормотать, Марина испугалась, что он вырвет ей коленную чашечку и отдернула ногу. Он не заметил.

- Ты в «Одноклассниках» у меня, там написано, что ты из Омска. Я звал тебя, и ты приехала ко мне! Не соврала! Такая, как на фотографии, ко мне приехала!

Что-то подтолкнуло Марину прекратить этот поток его фантазий.

- Я не Людочка! Я не из Омска! Я к тебе не приехала! Я еду домой с работы и жду свой автобус! Меня нет в «Одноклассниках»! Я не знаю тебя.

Он, чуть дыша, посмотрел ей в лицо, потом на свои грязные ладони, на её грязные колени и упал с лавки, перевернулся на спину и громко, но без вызова, спросил:

- Да?

- Конечно, да!

И уснул.

Старухи на лавках с любопытством посмотрели на них и пошли по домам, собирая внуков, кошек, собак, тяжело переваливаясь на коротких своих

ножках, в тапках с коричневым искусственным мехом и цветастых халатах на больших желтых пуговицах на грузных своих телах. Меняют зрелищное прелюбодеяние соседа на остановке с какой-то девахой на сериальные прелюбодеяния. Жизнь продолжается.

Наступила темнота. Марине, конечно, следовало бросить Матвея и отправиться домой, он бы проснулся и пошёл домой к себе и, конечно, нашёл бы свой дом и спал там, завтракал, смотрел телевизор. Но Марина продолжала сидеть возле него, непонятное чувство жалости и желания выслушать его не дали ей возможности уйти. Часа через два он проснулся, было темно и холодно, слышно было только, как одинокие машины проносятся по дороге, какой-то парень тоже, видно, жалостливый, остановился и спросил, не дотащить ли её мужика до дома. Марина отказалась. Матвей высморкался, икнул и, встав на четвереньки, повернул голову в её сторону. Было видно, что он не понимает, кто она и

что делает ночью на автобусной остановке. Марина, честно говоря, тоже не понимала.

– Ночь! – сказал он хрипло. – Ты кто?

Но было как-то понятно, что ему всё равно, кто она, и спросил он об этом просто из какой-то вежливости, просто надо было что-то спросить.

Одет он был сложно, с какой-то претензией на официальность. Серая рубашка в голубую крупную клетку и пиджак, старый, немодный из какого-то материала 60-х годов: то ли драп, то ли твид, или ещё из чего. Пиджак и брюки были кофейного цвета, мятые, истерзанные и не знавшие стирки уже давно, очень давно. Китайские кроссовки, высокие сверху и на вспененной подошве, снизу придавали ему какой-то нелепый вид, типа деревенской элегантности. Видно было, старик ходил куда-то по официальному случаю.

Покачавшись из стороны в сторону, он стал спускаться с остановки, пошёл домой ночевать. Но потом зачем-то замер и нетвердой походкой вернулся

назад, упал в изнеможении на лавку возле Марины и стал рассказывать:

- У меня давно никого не было, и я позвал в гости подружку соседки Светки, Арину, к себе. Чтобы, значит, мы полюбили друг друга, и она убрала в моих комнатах, унесла в мусорку бутылки, сварила борщ, и чтобы сделала из меня человека! Но ничего не вышло! Ничего!

- А почему? - спросила Марина без интереса.

- Потому что я подал на неё в суд! На неё, суку, в суд! В суд! - закричал он в темноте громко, что даже бродячая собака испуганно на него оглянулась и негромко, больше для порядка, тьякнула.

- Ей не понравилось у меня, она сказала, что неуютно, чтоб уютно было надо купить интересные шторы и повесить вот здесь, а лучше во всех комнатах и даже в кухне, с этим, как его...с ламбрекеном... ей нравится на кухне, что бы ...ламбрекен был.

Марина согласно кивнула головой, поддерживать разговор с пьяным Матвеем было

неинтересно, но она боялась, что он расвирепееет и начнет кричать, ударит её или уйдёт. И Марина кивала головой в такт его интонаций, почти случайно угадывая, где надо это сделать.

- Мать моя тоже любила шторы, - стало понятно, что он перешёл на очень личное. У неё ничего не было, только эти шторы, красные портьеры, они достались ей от её матери. Эти шторы, они были нечестные, ворованные. Когда-то в молодости моя бабка жила на Украине в небольшом селе и была всецело и полностью на стороне красных Советов и участвовала в национализации кулацко-жидовского добра. И в одной семье, где было много детей, курей и корова, где надо было забрать всё, в корыте, среди детских нестиранных заскорузлых пеленок, нашла эти шторы и взяла себе. Украла. Вся деревня знала, что она их украла, бабке пришлось уехать, из всего, что было у неё, она взяла только вот эти красные портьеры. Уехала в русскую Сибирь и там спокойно, с чистой совестью, ведь никто и ни о чём не знал, вешала на окна своей аккуратной

выбеленной квартирке. Умирая, бабка историю штор, вместе со шторами, передала своей дочке, матери моей. Мать шторы берегла и раз в полгода и перед большими праздниками протирала их каким-то раствором из уксуса и касторового масла, а потом стирала вручную туалетным мылом. От этого шторы становились мягкими, яркими и пахли женскими духами. Я любил эти дни, когда мать вешала чистые шторы на окна, дома становилось уютно и пахло праздником, мать долго любовалась на них утром, днём, вечером и даже ночью вставала потрогать их и посмотреть между них на частые звёзды, заворачивалась в них и смеялась, говорила, что чувствует себя купеческой дочкой. Перед смертью мать вздыхала, затем позвала к себе мою тогдашнюю жену Галю, сказала беречь шторы, пуще детей собственных, передала секреты ухода и преставилась, ушла со спокойной душой, считая, что шторы её остались в надежных руках. Но с женой у меня была жизнь недолгая, она ушла от меня, швырнув мне в лицо ухоженные по маминому рецепту шторы. Их я

больше на окно не вешал никогда, а застилал ими свою постель. Приятно было, приведя на ночь бабу, смотреть, как она вальяжно на них лежит, или представлять, как бы на них лежала роскошная баба. Шторы приятно щекотали голый зад и пахли детством, и женщиной. Я их никогда не стирал, и, когда ко мне переехала Зоя, следующая моя жена, она сказала, что на этой рванине будет спать её собачка. Я ничего ей не сказал, но шторы отнес на помойку, уж лучше пусть они так закончат свою жизнь, мать простит, если видит меня с неба, чем на них будет спать Зоина собачка, пусть и чистая, но псина. После этого в моей жизни никогда штор не было. Вернее, не было в них никакой необходимости, жены у меня не было, а путанкам было безразлично, есть ли на моих окнах шторы.

Матвей вздохнул, неопределенно повел руками, глазами и вдруг уставился на Марину, будто видел впервые. Впрочем, так оно, наверно, и было. И задал глупый, но весьма уместный вопрос:

- Ты кто?

- Я? Людочка из Омска!

Он непонятно на неё посмотрел, протянул: «А-а-а...» И продолжил свой рассказ.

- Когда Арина пришла в мой дом, то после того, как мы потрахались, она, глядя в потолок и затаившись дешёвенькой сигаретой, тихо проговорила: «Приходи ко мне в магазин, мы найдём тебе недорогие, но весьма привлекательные шторы в каждую комнату». И выпустила струю дыма куда-то между грудей десятого размера. Аринка – шикарная баба. Она имела собственный магазин штор и не ленилась там сама работать, все думали, что она – простой наёмный продавец с небольшой зарплатой продавца. И я подумал, что новые шторы – символ новой моей жизни вместе с нею, и что они невероятным образом украсят нашу с ней жизнь. Через неделю, получив пенсию, я помчался к ней в магазин на Старобазарной площади. Смех... Магазин назывался «Шторка». Аринка стояла за прилавком

как европейская женщина на турецком базаре. Она была в скромной форменной, зелёного цвета одежде, с натуральным макияжем и приветливой заискивающей улыбкой на чувственных губках. Ё! Вокруг неё висели, лежали, колыхались от сквозняка разные шторы, всех цветов и фактур, длины и назначений, с лентами и тесьмой, сидящими и парящими бабочками и выбитыми букетиками роз, на любой вкус и кошелёк. Я принёс Арине букетик цветов, которые под крики менеджера, сумел выдрать на клумбе, вот здесь. Но Аринка выглядела богиней среди этого великолепия, и я стыдливо спрятал их за спину, а потом, незаметно для неё, закинул за одну из стоек со шторами. Слишком убогий он был по сравнению с ней. Знал бы я тогда, какая она, и что всех своих мужиков заводит только для того, чтобы те покупали у неё шторы! Увидев меня, Аринка даже бровью не повела, ни одним лицевым мускулом не выдала, что эту ночь мы провели у меня, в квартире без штор. Как обычному покупателю, она мне медовым голосом пообещала выбрать самые

прекрасные бюджетные шторы. То, что она выбрала, было чудесного цвета бледной фуксии в мелкий рельефный рубчик и с какими-то узорами в форме жёлтой соломенной дамской шляпки. В комплекте были ещё лёгкие, белые, как улыбка эфиопа, нежные занавеси. А для кухни была такая же шторка, но с ламбрекеном. Я подумал: «Для себя выбирала». Хотя мне хотелось каких-то синих простых штор, недорогих, но раз Аринке хотелось таких, то я оставил в её магазине почти всю свою пенсию и, подмигнув продавцу и шепнув, что жду её вечером вешать шторы, счастливый отправился домой мыть окна. Вечером Аринка пришла, и после праздника тела мы вместе развешали шторы и долго смотрели на них, потом — на закат солнца сквозь них. Квартира моя насквозь пропиталась запахом сигарет и чуть слышным ароматом вымытых окон и новых штор. Я был счастлив, может быть, как никогда в своей жизни. Хотелось от умиления рыдать, и я даже пожалел, что выбросил материны шторы. Но больше ко мне моя фея из магазина штор не пришла, я ей

звонил и даже пытался ждать у магазина, когда она пойдёт с работы домой. Напрасно всё было, я видел её профиль и какие-то тени на стеклянной двери магазина «Шторка», но заходить робел. Мучился один, вначале просто ждал, потом ждал в компании с водкой, а потом и ждать перестал. Прошёл год после покупки штор, а точнее, год и два месяца. И однажды утром, проснувшись, слушая утренний гул машин и глядя в давно немытое окно, мне что-то померещилось. Я сначала не понял, что. Но что-то неясное, но вопиюще возмутительное мелькнуло в моей голове. От неожиданности я вначале сел в кровати, а потом бегом бросился к окну. Не может быть! На моей шторке цвета бледной фуксии в одном месте, где-то посередке, ужасно, что посередке, не сходился рисунок. Заметно, что это был брак! Такой вопиюще-ужасающий и хамски-возмутительный брак, что даже об одной мысли о таком браке всех бы бросило в дрожь. Рубчики как бы расступались и один край желтой соломенной дамской шляпки почему-то исчезал! «Тварь! Тварь! Тварь!» – крутилась

прилипчивая мысль в моей голове весь день! Мне хотелось завывать, разодрать на себе всю одежду, вхлам изничтожить шторы, на куски разорвать пухлый Аринкин услужливый рот, чтобы всё-всё, всё-всё было как до этих бюджетных штор и с браком. Ночью не мог долго заснуть, выпил полбутылки белой и уснул на полу в кухне. Начиналось утро, и в мозгу продолжала свербеть мысль о бракованных шторах, она не отпускала меня, пока я не встретил соседку Светку, через которую и познакомился со своей продавщицей штор. В подъезде я накинулся на Светку как зверь, стал тянуть её за оба уха враз и орать, что она тварь и подружка её – тварь мерзкая, Светка вначале опешила, а потом звонко завизжала. На нашу возню вышли посмотреть все соседи, они стояли, держась за перила и молча смотрели на нас, никто ничего не понимал. Наконец соседка с первого этажа Франца Минзьятовна вызвала полицию. Меня увезли, как преступника, сковав руки наручниками и сунув для спокойствия дубинкой куда-то под ребра. Я лежал на рифлёном коврикe УАЗика и слышал, как

причитала Светка, показывая свои полуоторванные уши молоденькому лейтенанту.

Марине стало холодно, и она почти перестала его слушать, захотелось домой, там, наверно, все переволновались, пришлось позвонить домой и соврать про срочную работу. Матвея надо было выслушать, хотя смысл нужности тоже был непонятен. Матвей догадался, что Марина замёрзла, а может, она уже и тряслась. Он дал ей свой коричневый помятый пиджак. Почти как галантный кавалер, не сказав ни слова, и Марина молча приняла его.

- В полиции меня никто не бил, я там выспался на жёстком топчане в компании каких-то двух мужичков, мирно играющих в карты. Утром молоденький лейтенант допросил меня, уже не тот, что задерживал, а другой. Записав всё с моих слов и взяв с меня слово больше так не делать и примириться с соседкой по-хорошему (зачем мне проблемы), он отпустил меня и посоветовал сходить в

магазин и предъявить некачественный товар продавцу или в службу потребителей обратиться. Эта мысль мне показалась удачной. Выждав следующего утра, я отправился в магазин «Шторка». Аринки за прилавком не оказалось, зато там была какая-то совсем непрезентабельная, с фигурой, как у зимнего яблока, бабёха. Я решил, что это уборщица подменяет Аринку в зале, пока та отлучилась. Мне стало ещё труднее говорить, я ведь воображал, что швырну эти шторы Аринке в морду прямо от двери, в её наглую, лживую морду. И заору громко, так, чтобы все слышали: «Дайте книгу жалоб, уважаемая Арина!» Составлял эту фразу весь путь от дома до магазина. Но хозяйки видно не было, и пришлось почти виновато прошептать:

- Аринку позовите, будьте добры!

Бабёха переступила с ноги на ногу и невзрачно, невиновато сказала:

- Нет такой!

От возмущения мне очень захотелось обидеть эту...с фигурой зимнего яблока, и я визгливо крикнул:

- Где же она?

- Не знаю такой, первый раз слышу!

- Первый раз! А я её знаю не первый раз! И пусть она заберёт свои...эти...эти... ламбрекены!

И я хлопнул на стол пакет со шторами. От штор над столом и прямо на зимнее яблоко полетел выхлоп пыли, густой и пахнувший плесенью. Эти шторы никогда не стирались. Продавщица брезгливо, одним пальцем раздвинула ручки пакета и прошипела:

- Уберите отсюда своё тряпьё и не пугайте мне посетителей, дедушка! Неприлично ведёте себя, дедуля! Идите отсюда, а то в полицию позвоню!

- Ты мне деньги, деньги за них давай! И я пойду! Всю пенсию отдал за них!

- Дед, иди отсюда или я психушку вызову!

Мне было страшно, что приедет полиция или психушка, но желание увидеть Арину и отомстить ей было больше страха перед сильным ментом или бригадой скорой. Сделать я ничего не мог, я заплакал. Бабёха оказалась не злой и стала уговаривать меня уйти по-доброму, убеждая, что ничего она не знает, Аринки не знает, штор, как у меня, никому не продавала и желает мне только добра. Всклипывая и не слушая её увещевания, я прошептал:

– В прокуратуру пойду!

На секунду продавщица замолчала, и в без того зловещем магазине повисла совсем уже нечеловеческая тишина. Голос её в тишине прозвучал резко и с издёвкой:

– Вали куда хочешь!

Она выкинула и меня, и пакет со шторами за дверь магазина и закрыла дверь на ключ! Больше в этот день магазин «Шторка» не открылся. Я честно ждал до темна, но тяжёлая дверь с мелодичными

звуками колокольчиков больше не открывалась, и никто из неё не выходил и не заходил.

Сегодня я ходил к прокурорше, хорошо они одеваются, золото носят, косметика на лице, а ничего в людях не смыслят и в жизни не понимают. Я стал ей рассказывать, а она мне: «По существу, по существу давайте!» А ведь я ей всё только по существу и говорил: про неё, про обманщицу! Про Аринку и магазин её этот и шторы! А она говорит: «Дед! А может не стоит преувеличивать. Давно это у тебя случилось, покупка, значит! Брак мог от износа наступить.»

- А какой там износ-то? - Матвей смотрел на Марину мутными невидящими глазами, ответа не ждал. - Нету там износа, брак один, только брак её, Аринкин!

- А может и правда не стоит? Время потраченное? Переживания? Может, не стоит? - спросила Марина.

Матвей посмотрел на неё со злом, Марине стало страшно, что он может её ударить, она внутренне сжалась. А он вздохнул и безжизненно, словно ему очень больно, простонал: «Может! И я уже так думаю! Экспертизу назначили на следующий месяц, исследовать хотят!»

- Забери жалобу! - как можно добрее посоветовала Марина. - Забери и станет легче, спокойнее.

- Спокойнее... - забубнил он и ударил в грудь кулаком. - А тут покоя нету... Убить хочу её... Нету покоя!

- Ну представь, будешь ходить на заседания, в прокуратуру, слушать их, подписывать бумаги, ждать, опять ходить и так долго-долго. Зачем это тебе надо? Шторы-то уже не новые... И потом - столько времени прошло!

Матвей молчал и только смотрел на меня, как собака, которая голодна, промокла и хочет, чтобы её пожалели. Марина жалела Матвея, но знала, что и

советы её, и помощь он не примет, ему не шторы были важны, а эта самая тварь, продавщица штор Аринка. И все слова – и Марины, и золотой прокурорши – были не нужны и бессмысленны. Время шло, Марине надо было домой и сидеть с пьяным Матвеем было трудно. Когда она уходила, Матвей смотрел ей вслед и молча теребил свой коричневый пиджак, будто хотел что-то ещё сказать, но не знал, что.

Больше Матвея Марина не видела. Через месяц знакомый следователь ей рассказал, что утром в старом доме в центре города нашли повешенного старика, который удавился на какой-то чудной шторе. Он оставил предсмертную записку «В моей смерти никого не вините, ибо ухожу сам, по собственному желанию. Всяк сверчок знай свой шесток!» Повесился Матвей сам, на маминой красной портъере, обмотав её вокруг обрезка трубы сверху, у самого потолка. Шторы принесла жена Галя, когда Матвей ей позвонил и сказал, что хочет с ней жить. Галя давно увидела их на помойке, поняла, что

Матвей выбросил. Ей стало жалко своих трудов, затраченных на уход за ними, подняла – на всякий случай. Тогда казалось – бессмысленная жалость. Теперь стало понятно, что ничего случайного в жизни не случается. Галя была счастлива своею прозорливостью. Матвей на них и висел, голый и какой-то почти неземной, вторая портьера была красиво повязана под мышками, внизу покрывая скрюченные пальцы и последние биологические признаки жизни старика Матвея.

Олег

Сидеть на берегу реки в летний полдень – занятие не слишком весёлое, но лучше, чем в пыльном городе у вентилятора. Линялое покрывало, ветерок с реки и мошкара, липнущая к потной спине, палящее, до радужных кругов в глазах, солнце и мерно качающиеся метелки прибрежной травы.

В плетёной хлебнице между кусками раскрошенного белого батона лежали два яйца. Они были тщательно очищены и блестящи, как новый фаянсовый унитаз, солнечные лучи преломлялись на их чуть влажных боках, казалось, они ослепляли Олега. Яйца были абсолютно одинаковыми, даже тёмный желток изнутри просвечивал идентично, правильные овалы – вверху заострились, а книзу очаровательно тупые. Два абсолютно симметричных, неотличимых яйца. Олегу от этого стало не по себе, чтобы этот неприятный холодок в груди отпустил, он прилепил на бок одного вилочку укропа. Олег улыбнулся своему изобретению, ещё раз посмотрел на похожие яйца и направился к реке. Там

резвились две женщины: его жена Маруся и её сестра Анька. Вода была тёплая, водоросли цвели, женщины брызгались и в шутку кидали друг другу зеленые комки из водорослей. Олег прошёлся по мелководью, галька неприятно колола ступни и резала пальцы. Он ополоснулся, полежал в тёплой воде, напряжённый, боясь, что даже незначительное течение может унести его большое мужественное тело. С детства, с тех пор как утонул его отец, Олег никогда не плавал даже в бассейне, страшный спазм стягивал все мышцы, стоило только воде оказаться у его лица. Отец утонул на глазах у Олега. Мама загорала на берегу, Олег собирал камни, отец плавал. Когда мальчик оторвал взгляд от груды собранных камешков, он увидел, что отец машет ему руками, помахал в ответ и продолжил играть. Больше отца Олег не увидел, отец утонул, раз в год в родительскую субботу он навещает отцовскую могилу. Кстати, утонул отец именно в этой южной реке, где много раков, растёт рогоз, она внешне спокойная и течение её размеренное, но есть омуты и

воронки, песок донный осыпается, глинистый ил затягивает. С женой своей Марусей Олег жил уже пять лет. Она была хорошей женой: доброй, верной, заботливой, хозяйственной, надёжной. И это ему очень нравилось. Но в последнее время эти её положительные качества – скромность, правильность, бескорыстность – стали его раздражать. Он откровенно скучал с ней. Порой ему хотелось заорать на неё, но было стыдно кричать без повода, а повода она никогда не давала. Такая из себя вся безупречная.

Совсем другой была сестра её, Анька, боевая деваха, будто в разных семьях выросли. Если бы не внешнее сходство, а сестры были близнецами, их вообще невозможно было назвать родственницами. Вкусы в одежде у сестёр отличались, поэтому Олег свою всегда узнавал так сказать «по упаковке». А вот если нарядить их одинаково и поставить рядом, Олег ни за что бы не нашёл жену. Он, живя с Марусей, всегда опасался, что сёстры его разыграют, даже подозревал, что они уже это делали. Глядя в серьёзное лицо положительной Маруси, он не

сомневался, что такого не было. Общась с Анькой, он в этом очень сомневался. Было? Не было? Эти вопросы не давали ему покоя. «Было бы здорово, если бы Маруся стала Анькой, а Анька – Марусей», – последнее время Олег часто ловил себя на таких мыслях, приходивших помимо его желания в голову. Он даже стал опасаться за свою психику, подозревая жену и её сестру в подлоге. Дернул же черт жениться на близняшке.

Размышляя о своём положении, Олег направился к покрывалу. Маруся и Анька вышли на берег, они о чём-то увлеченно разговаривали, увидев, что Олег наблюдает за ними, одна из них, то ли Маруся, то ли Анька, помахала ему рукой, Олег криво улыбнулся и ответно махнул сёстрам. Только сейчас он заметил, как сегодня они похожи одна на другую, стройные, загорелые, они распустили свои длинные волосы и, сидя на прибрежных камнях, сушили их под палящими лучами солнца. Олег моргнул, ему показалось, или они надели одинаковые купальники? «Маруся?» – с тревогой в

голосе окликнул он жену. Маруся обернулась и помахала ему рукой. Олег вытянулся на одеяле, выбрал в хлебнице одно идентичное яйцо, рассмотрел и засунул в рот целиком, прожевал, запил морсом из бутылки. Припекало.

Это было в конце прошлой недели, кажется, в пятницу. Олег пришёл с работы пораньше, устал, хотелось поваляться на диване с планшетом, посмотреть кино. В прихожей Маруся ползала с тряпкой, мыла полы по случаю будущих выходных, она очень не любила заниматься уборкой в субботу или в воскресенье. В субботу вставала раньше, пекла блины или стряпала булки, потом вязала, ко всему прочему она была рукодельницей. А в воскресенье обязательно был какой-нибудь выход в свет, в кино или театр. Особенно Маруся любила театр, её притягивал сам запах театра, портьерная пыль, свет софитов, она могла подолгу рассматривать сцену, говоря, что мечтает здесь переночевать. Странная фантазия поразила Олега, он засмеялся и сказал, что она может спрятаться в портьере и здесь заночевать,

но последствия будут проблемой, которую ей придётся решать самой. Маруся ползала с тряпкой по полу, но одета она была очень празднично, маникюр, макияж и красивое платье, в углу стояли туфли на шпильке, странно, Олег никогда не обращал внимания, какие туфли носит его жена, но он точно помнил, что высокие каблуки она не носила. Маруся унесла ведро и, пока Олег снимал ботинки, разглядывал себя в зеркало, явилась в прихожую, неся в руках два бокала с вином. Олег тогда ещё очень удивился: «Что празднуем?» Маруся усмехнулась и впилась в его рот своими красными губами, Олег ощутил вкус помады и запах каких-то новых духов, в ушах зазвенело. Любовью занимались неистово, молча, прямо на полу в прихожей, Олег даже не понял, как всё случилось, даже не чувствовал усталости после рабочего дня, даже на какое-то время потерял реальность, где он и с кем. «Забыли про презерватив», – виновато пробормотал Олег, рассматривая Марусю. Ему показалось, что она сама на себя не похожа. Маруся сидела на банкетке,

взломаченная, с размазанной помадой, её шпильки все так же стояли в углу. «Новые туфли?» – рассеянно выдохнул Олег. Маруся засмеялась: «Сиги есть?» Ее голос был чуть хриплый. «Страстный голос», – подумал Олег, он даже забыл, что его жена не курит и привычно достал из внутреннего кармана пачку сигарет и зажигалку. Маруся надела шпильки и ковляющей походкой прошла на кухню, курила у раскрытой створки окна, потом взяла пальто и ушла. Олег, оглушённый таким происшествием, такой развязкой, остался сидеть в прихожей. Всю следующую неделю Олег и Маруся прожили как всегда, будто и не было этой бури в прихожей. Как не был Олег толстокож, его мучило это пятничное событие. Он, молча, удивлялся своей жене. И вот сейчас на берегу реки сомнения, одно страшнее другого, заставляли его пристально следить за Марусей и Анькой.

Олег всегда подозревал, что его жена не так проста, как казалась. Не бывает идеальных людей, таких, какой была его жена все эти пять лет

совместной жизни. Маруся хочет уйти от него, она встретила другого мужчину и теперь не хочет жить с Олегом? Анька. Он ничего не знал о ней. Она красива, умна, не замужем и сестра его жены.

Если уж быть до конца честным с собой, то Олег толком ничего не знал про сестёр. С Марусей (или это была Анька?) он познакомился в ресторане во время корпоратива, он пригласил её танцевать, потом они стали встречаться, потом – жить вместе. Что Маруся (или Анька?) делала на корпоративе их компании, Олег не помнил. Родителей у сестёр не было, они говорили, что и отец, и мать жили где-то в Орле и давно умерли. Вот, пожалуй, и всё. Анька жила где-то на окраине города в съёмной квартире, а Маруся сразу переехала жить к нему. Однажды Олег спросил жену, как она могла переспать с ним при первой же встрече, там, на корпоративе: «А ты мне почему сразу дала?» Маруся, не задумываясь, ответила: «Это была любовь с первого взгляда». Самолюбие Олега сразу поверило Марусе. Да, он такой!

Сейчас истина никак не давалась Олегу. Он чувствовал подвох, но где, он определить не мог.

Олег перевернулся на спину, услышал, как мошкара на спине охнула и запищала, придавленная весом тела – неожиданно. Олег смотрел на высоко стоящее солнце и думал, что сёстры ослепили его, как вот это вечное светило, и что проблема его также вечна, как вечно это солнце. «Нет ничего нового под солнцем», – вспомнилась Олегу древняя мудрость. Ни-че-го но-во-го! Закрыв лицо руками, повторяя древние слова по слогам, Олег чувствовал, как седеют на его молодой голове волосы.

Что-то кольнуло в бок. Травина? Щепка? Хлебная корка? Бордовая книжица, то ли Марусина, то ли Анькина, выпала из пакета с едой. Записная книжка. Она была пустая, только в конце был рецепт блинного теста, написанный Марусиной (или Анькиной?) рукой и какая-то узкая полоска, такие обычно прячут в печенье с предсказаниями. Полоска была истёртая, видно, что старая. Олег аккуратно развернул её. От долгого наблюдения за солнцем он

вроде ослеп, и сперва ему показалось, что на полоске ничего нет, но, проморгавшись, он увидел слова, напечатанные на машинке, чуть видные от времени «Брось дело с камнем в воду».

«Нет ничего нового под солнцем, брось дело с камнем в воду», – две мудрости сложились в одну. Олег поднялся с покрывала, он осознал, что для спокойной жизни ему надо утопить одну из сестёр. Сейчас, прямо сейчас. Даже страх перед водой, даже смерть отца в этой реке сейчас были неважны для него. Он утопит одну, а с другою будет жить дальше, и хорошо бы, чтобы этой другою была Анька. Идея казалась выходом из всех его проблем и сомнений, ему хотелось засмеяться от того, что решение нашлось так просто. На берегу сестёр не было. Они плавали. Вон Маруся, вон Анька. Или наоборот? Они доплыли до середины реки. «Маруся!» – крикнул Олег. Одна из сестер, повернулась и помахала ему рукой. «Как отец», – успел подумать Олег. Жена его повернула и поплыла к берегу, но сколько она не плыла, доплыть у неё не получалось, течение сносило

обратно. «Помоги!» – крикнула она и зашлёпала руками по воде. «Тонет», – с удовлетворением отметил Олег. Анька не слышала крика сестры, она продолжала плыть. Ровно, как только Марусина голова скрылась под водой, Анька повернула обратно. Было видно, что ей тоже тяжело плыть. Олег испугался, что он сейчас лишится и второй сестры, останется без жены. Как он объяснит людям, куда подевались девушки: его жена и сестра его жены, близнецы. «Какая останется, с той и буду жить, и, судя по всему, это будет Анька, а не пресная Маруся!» Олег вошёл в воду и поплыл, странно, но судорога не мучила его. Подплывая к Аньке, он увидел, что она улыбается ему. Радость, первобытная радость обретения желаемого накрыла Олега волной. Протягивая руку навстречу потерянной и обретенной супруге, он почувствовал, что судорога перекосила его тело. Мука, какая мука! Вода у лица, в носу, в глазах, в ушах, лицо разрывает, хочется кричать. Пузыри, пузыри. Нет боли, нет солнца, нет воды, безразличие, и только силуэты двух сестёр,

уплывающих к берегу. «Ты видела, как он радовался, что я утонула?» – спросила одна другую.

Валера

Он никогда не слышал крик ворона, хоть и не раз его видел. Обычно ворон перебирал мусор в куче хлама, сидел на ограде или просто куда-то летел по своим вороньим делам. Сегодня был мороз, сильный, трескучий. Валера вспомнил бабкины приметы. С девятнадцатого должны были начаться Николины морозы, самые суровые в декабре. Они продолжаются неделю, но если и со снегом не повезло, то вымерзнут все плодовые деревья и ягодные кусты. А это Валеру уже беспокоило. Ворон сидел на опоре ЛЭПа и смотрел неподвижным глазом на Валеру и, казалось, что-то о нём думал.

- Что смотришь? – негнущейся верхонкой Валера набрал снега и попытался слепить снежок, чтобы бросить его в немигающий вороний глаз. Снежок никак не лепился, мороз не давал смяться и склеиться снежинкам в ледяной шар. Валера снял верхонки и руками стал мастерить снежок, но то ли руки Валеры были недостаточно горячи, то ли снег

очень неподатлив: снежок слепить удалось не сразу. Валера прицелился и ловко залепил снежком именно в ту перекладину, где замерзал ворон. Как ни странно, но ворон даже не встрепенулся, а лишь повернул голову на другой бок, глядя на Валеру уже левым немигающим глазом. – Скотина! – выругался Валера, сплюнул голодную слюну и взвалил на плечо охапку березовых веток, умело перевязанную тонкой заржавленной металлической проволокой, чтобы прутья не рассыпались. Тут ворон открыл клюв и каркнул:

– Кра! Кра-кра-кра!

Нутро у ворона, на удивление, было горячим. Облако пара вырвалось из клюва и, еще не долетев до земли, рассыпалось на миллионы снежных атомов, которые упали к ногам Валеры, звонкие, сильные. Валера смотрел на ворона, Ворон смотрел на Валеру.

Валера стоял в холодной декабрьской ночи, держал на плечах берёзовые прутья для метлы, смотрел на ворона и удивлялся неожиданному

откровению этой минуты, этому морозу, снегу, звуку, а особенно – острому чувству одиночества, свалившемуся на него в тот момент. Валера – человек пропащий. Пропащий – по сути, пропащий – по факту. Ничего хорошего в жизни не было. Так думал он сам. Ничего хорошего в жизни Валеры уже не будет. Так думал всякий, кому случалось встретиться с ним. Фактически в этой жизни Валеры тоже уже не было. Ни семьи, ни дома, ни документов, ни будущего. Только унылое сегодня. Искал ли его кто? Кто думал о нём? Сам Валера признавал себя бродягой, редкие Валерины знакомцы называли его бичом. И это была истинная правда: Валера – человек пропащий.

Он жил за старым кладбищем, в лесу. Когда-то давно в лес пришёл экскаватор и вырыл глубокую траншею для захоронения ничейных покойников, таких же бродяг, как Валера. Но то ли покойников всех разобрали, то ли рабочие забыли, где вырыли траншею, только никто ею по назначению не воспользовался. А потом – кладбище стало старым,

могил было столько, что они стали вылезать за пределы погоста, и городское начальство решило остановить там захоронения. Новое кладбище открыли на другом конце города, а это стало тихим, почти музейным местом, где только в сезон – в теплое время года – можно было встретить посетителей. А ещё здесь подзахоранивали, копали могилки рядом с родственниками те, кто и после жизни хотел оставаться семьёй. У Валеры семьи не было, он грустил по новым покойникам, слушал тишину над могилками после редких похорон. Он сидел подле холмика свежей глины, долго прислушивался, громко изрекал: «Не дышит!» и поминал недышащего оставленной стопкой и остывшим блином, делил с воронами конфеты и печенье. Скучная, редкая трапеза.

Валера уже несколько лет жил в траншее за кладбищем. Он накрыл её горбылём и целлофановыми пакетами с помойки, сделал топчан и даже притащил из садоводства по соседству печь-буржуйку, но ею почти не пользовался, по дыму его

могли найти, топил он её только в сильные морозы зимой. Люди, видевшие вдалеке со стороны старого кладбища дым, считали, что копают могилу для какого-то несчастного. Валера, сидя на топчане из неструганного корявого горбыля, накрытого старой диванной обивкой, смотрел, как тощие языки огня лижут металлическую дверцу буржуйки, и слушал треск влажных сучьев и хвои, вдыхал горячий влажный пар. Пахло грустью и деревенской баней. Хотелось окунуться в горячую воду, похлестать себя берёзовыми прутьями по тощему сохшемуся телу. Валера чесался, в траншее жили земляные блохи и грызли Валерину огрубевшую кожу, если было не лень, Валера вылавливал чёрную блоху, похожую на чайнку, и перегрызал ей горло, думал, что горло, растирал между грязными пальцами обслюнявленный трупик и слизывал. «А ещё говорят, что коньяк клопами пахнет!» – нервничал Валера, доставал из-под топчана конфету и заедал ею блоху. Конфет у Валеры всегда было много разных: дорогих и дешёвых, шуршащих шоколадных и колючих

шершавых карамелей. Но больше всего Валера любил сладкие сахарные подушечки, «дунькину радость». Они напоминали ему его прошлое бытие, пахли детством, когда он, маленький, лысый, в пятаках зелёнки на локтях и коленях, сидел на лавке возле дома в далёкой, уже несуществующей деревне, и ел из бумажного кулька сладкие подушечки, подаренные ему бабкой к именинам. Детство было, юность была, а потом – провал, пустота. День похож на ночь, ночь похожа на день, жизнь похожа на смерть, смерть станет жизнью. С осознанием этого Валера существовал.

Как-то раз Валерину траншею нашли подростки. Стоя за обгорелой толстой сосной, слезящимися глазами Валера смотрел, как они ломали крышу его нехитрого жилища, выкидывали топчан и побитые молью коврики и мешки, топтали их и рвали, а потом – зажгли, оторвали дверцу у буржуйки, а саму печку затащили в кусты. Когда из траншеи вылетел мешок со сладостями, нервы Валеры не выдержали, он завыл. Иступлено,

беззвучно, одним ртом, из глаз текли слёзы, смешивались со слюной. Валеры кусал себя за колено, безнадежная, бессильная тоска и обида накрыли всё тощее грязное его существо. Валера не помнил, как вернулась к нему реальность, только той ночью прилетел в Валерин лес неизвестный огненный корабль, согрел его, а разумное существо жалело Валеру, гладило его по голове, утирало слёзы, поило чаем с жирным коровьим молоком и тягучим мёдом. На прощание оно прошептало в грязное Валерино ухо, что скоро всё изменится. «Кротость безоружит!» – шептало оно, прижимало к себе вонючее, колючее Валерино тело и утешало. Очнулся Валера за тем же обгорелым деревом, в той же позе, закусив колено. За годы бездомной бродячей жизни Валера выучился, как палочник, в случае опасности мертвенно замирать, ожидая, что опасность пройдет стороной, не затронет его. Подростки, разрушившие Валерин дом, хозяина не нашли. Несколько дней он боялся подойти к траншее, бродил вокруг, прячась и таясь, вздрагивая от любого звука, ел сосновую кору и даже

к кладбищу боялся подходить. Прошло несколько дней, прежде чем Валера успокоился. Он принёс с помойки горбыль и новый скарб, накрыл траншею сосновой крышей, примотал проволокой дверцу буржуйки, долго на неё смотрел, а потом отнёс назад, в садоводство, где брал, решив, что труба стала причиной обнаружения его тайного жилища. И прежняя жизнь потекла в прежнем ритме, только Валера стал бояться больших детей и, едва завидев их, даже вдалеке, старался лечь и замереть.

Последнее время с Валерой стала случаться бессонница, он бродил по кладбищу, осматривал могилки, разговаривал с птицами и собаками.

Сегодня Валера наломал берёзовых прутьев для метлы, он хотел их отдать одной одинокой старухе, жившей неподалёку от кладбища, в обмен на какую-нибудь еду или одежду. Случалось, что старуха и денежку ему давала, и тогда Валера ходил в магазин-ларек на одной из улиц, в большой магазин его не пускали, фукали, зажимали носы, а в ларёк –

пожалуйста. Спрашивали только: «А деньги у тебя точно есть?»»

Идти к старухе было ещё рано. Валера определял время по степени темноты неба: когда на востоке чернота сменялась серостью или синевой, значит, скоро будет светать. Ещё было темно, и Валера беседовал с вороном. Внезапно снежная дорога осветилась оранжевым светом, Валера вначале решил, что опять прилетел огненный корабль и даже обрадовался, что его опять пожалеют и напоят вкусным горячим чаем. Он хотел было выйти навстречу свету, но вовремя разглядел, что это автомобиль, большой и дорогой. Автомобиль остановился посреди дороги, и из него вышли две женщины. «Это здесь!» – сказала одна и прошла вперед, ступила в сугроб и, проваливаясь в снег почти до подола короткой шубейки, направилась к одной из могил. Вторая подумала и полезла в сугроб вслед за первой. Валере было интересно, что делают здесь эти две женщины, и он опять превратился в палочника, настороженно стал прислушиваться.

На старом кладбище было две достопримечательности: цыганское захоронение и склеп из чёрного мрамора. У цыган было всё просто: все могилы имели таблички «Козлов», «Козлова», земля у могил была выложена кафельной плиткой, которую кто-то мёл или мыл каждый день в любое время года, в любую погоду. Могилы были накрыты полипропиленовой крышей и огорожены металлической оградой с профилями лошадиных морд. Между штакетинами ограды были протянуты гирлянды бумажных цветов, которые трепетали от дуновения даже самого лёгкого ветерка. Именно поэтому могилу было видно издалека, и о её существовании знали многие.

Ко второй могиле сейчас пробирались эти две женщины. Семейный склеп представлял собой чёрный, гранитный, почти герметичный ящик, у которого была входная дверь, открыть которую они сейчас пытались. Кто лежал в этом гранитном склепе, Валера не знал; на нём не было ни таблички, ни креста, что могли бы рассказать о хозяине могилы.

Женщины вошли в склеп, внутри загорелся свет и послышались голоса, но что они говорили, было не разобрать. Валера подошёл ближе. Он знал, что из освещённого помещения невозможно разглядеть кого-то в темноте снаружи, поэтому не боялся быть увиденным и преследуемым.

«Здравствуй, Эка! – произнесла одна из женщин, – Новый год скоро, вот ёлочку тебе привезли. А это Оксана Ивановна, твоя учительница. Ты помнишь? Эка, ты помнишь?» Женщина заплакала, запричитала, упала на колени у могилы и стала гладить тонкими белыми ладонями чёрные плиты надгробия. «Сынок! Эка! Ты слышишь меня? Сынок! Я пришла, твоя мама пришла навестить тебя! Эка, ты же слышишь меня?» Вторая женщина оцепенело стояла у входа, видно было, что она тут впервые, что это перевозданное горе поражает её.

Какое-то странное, знакомое чувство посетило Валеру, точно всё это уже было, когда-то было с ним.

«Марина, хватит! – вторая, которую звали Оксаной Ивановной, обняла плачущую за плечи. – Встань. Зима, плитка холодная. Давай делать, зачем приехали. А то – ночь, кладбище, мне как-то не по себе». Женщины достали из коробок белую пушистую ёлку и стали её наряжать. Марина устанавливала ёлку и вешала игрушки сама, попутно рассказывая о каждой, чем она была дорога её сыну, и как он её, эту игрушку, любил. Потом она достала из сумки двух оленей, поменьше и побольше, и поставила их у ёлки, подумала, достала третьего: «Пусть так будет – я, Эка и он, Валера».

– А Валера где? – спросила Оксана Ивановна.

– Валера? В лесу живёт, здесь, покой сына охраняет, да ворон гоняет.

– Как в лесу?

– Давай сядем да выпьем за покой Эки.

Царствие ему небесное.

Женщины достали бутылку коньяка, разлили по маленьким, похожим на напёрстки, стаканчикам. Выпили.

– Да. Валера в уме повредился. Здесь, за кладбищем живёт. Бич. Совсем опустился.

– Валера – бич? В лесу живет? Дом, что ли, построил?

– Какой ещё дом? В траншее живёт, собак бродячих ест и конфеты с могил собирает.

«Я не ем собак, я ем конфеты!» – хотел было крикнуть Валера, но вовремя остановился. Он узнал свою жену Марину и вспомнил, что этот склеп – могила его сына Эки. Давно это было, его семья. Озарение пришло как бессонница, его теперешняя бессонница – мука.

– Валера связался с бандитами, взял у них денег под большие проценты, отдать вовремя не успел. Они убили Эку! Валера и бандиты убили Эку! Валера постепенно дурачком стал. Я его дважды в психушку сдавала, а он всё убегал. Бегающим оказался. Да ещё

про всякие инопланетные жизни стал всем рассказывать. Вот я его сюда и отвезла, чтобы грех свой страшный отмаливал. Траншеею ему купила, иногда приезжаю, еды привожу, жалею. Совсем дурачком стал. Жалко так, хоть убей, чтоб не мучился и меня не мучил. Или, может, домой забрать? Так опять убежит... Воняет, в штаны валит....

Марина и Оксана Ивановна закрыли тяжёлую дверь склепа и побрели обратно к машине. Двигатель заработал, машина стала пробивать себе путь оранжевым лучом в обратную сторону.

Валера немигающими глазами смотрел на огни гирлянды семейного склепа, совсем как ворон недавно, поворачивал голову из стороны в сторону.

Валера открыл клюв и каркнул:

– Кра! Кра-кра-кра!

Только ворон, наблюдающий за происходящим, сорвался с ближайшего куста.

Только шапка снега упала.

II

Я практикующий психолог.

Мне всегда нравилось помогать людям, ищущим себя. В старших классах школы я просил друзей рассказывать мне о том, что сейчас происходит в их жизни, а потом вместе с ними находить возможные способы решения проблем. Я перечитал всю популярную психологию, знал про возрастные кризисы и психоанализ, пробовал даже составлять тесты. Но когда пришла пора выбирать профессию, то я пошел учиться на учителя начальных классов, но со временем мне стало понятно, что детская психология мне совсем не нравится, что гораздо интереснее общаться со взрослыми людьми. Я бросил учёбу в колледже и пошел работать санитаром в поликлинику. Массу историй узнал я там, познакомился со многими людьми, в большинстве случаев это были пенсионеры, но иногда попадались средневозрастные и даже молодые люди, но они не хотели разговаривать со мною, поэтому, чаще всего, я

выслушивал жалобы на неблагодарных детей и внуков, маленькую пенсию и черствое к проблемам населения государство. Какое-то время спустя я познакомился с маленькой женщиной Еленой. Я говорю маленькой, потому что она была очень невысокой, 160 сантиметров роста, но она очень гордо несла себя по жизни, помогая другим в том, в чём хотел бы помогать и я, она была практикующим психологом. Елена брала меня на выездную работу обрабатывать анкеты в рекрутерских агентствах. Она учила меня отказывать, объясняла нюансы анкет, читала целые лекции по психологии работодателя, который в большинстве случаев ищет то, что получить невозможно – преданных рабов с гордой посадкой головы и большим умом, сообразительностью и расторопностью гончей, за весьма скромное, если не сказать жалкое вознаграждение. Я учился из прислуги выбирать лидеров, а лидерам объяснять, что они всего лишь прислуга. Елена устроила меня в университет на вечернее, а потом помогала учиться. Нет, мы никогда

не были с нею любовниками, скорее, она была моей старшей сестрой, сестрой, которую я боготворил и подчинялся во всем. Внезапно она заболела какой-то странной болезнью, связанной с самой маленькой железой в организме, вилочковой. И когда она была уже совсем плоха, и мне, и ей было понятно, что недолго осталось, Елена отважилась на разговор со мной.

- Жизнь дается не всем, смерть будет у всех, - начала она хрипло и показала, что её надо поднять на подушках. - Мне повезло, у меня есть жизнь, у меня будет и смерть. Елена смеялась, её щёки покрыл нездоровый румянец. Я смотрел на неё и видел девчонку, ту девчонку, какой она, вероятно, была лет тридцать назад. Как же она мне нравилась! Как же я хотел удержать её! Но разве я мог? Даже слёзы не держались в моих глазах, где мне было удержать её в жизни.

- Я проживу, сколько мне предназначено, - она подняла палец вверх. - Жила для людей, не завела ни семьи, ни детей, ни даже собаки. Слушала,

разбиралась, решала, как кому быть, с кем жить, кем служить. Кто-то был счастлив, получив мой совет. Кто-то ненавидел, проклиная за решения, принятые по моему совету. Кто я такая, чтобы решать чужие судьбы? А теперь мои клиенты, пациенты, друзья, люди из трамвая обступили меня плотным кольцом и душат. Я умираю с беспокойной душой, ты должен помочь мне.

Я смотрел на своего гуру и впервые понимал, как её тяготило то, чем она занималась, хотя скажи мне кто об этом раньше, я бы не поверил. Она всегда производила впечатление человека, счастливого в профессии.

- Есть лишь одна мудрость - народная, нажитая веками. Ты должен найти её и нести людям. Всё остальное - чушь. Тесты, цвета, графики, типология личности, психоанализ ничего не значат. Только мудрость поколений может применять один человек по отношению к другому, чтобы потом, когда придёт и твой черёд уходить, тебя ничего не душило, не стояло у изголовья.

После смерти Елены я долго переживал, думал, зачем это всё она мне сказала. Через месяц огласили завещание. Родственников у Елены не было, она всё завещала мне как другу и соратнику, но с тем условием, что я уеду из Москвы и поселюсь в провинции, где буду работать во благо человека. «Высокопарно, однако!» – думал я, укладывая чемоданы. Я вовсе не желал быть наследником Елены, но что делать, я привык ей подчиняться. «Зачем? Чем я буду заниматься в маленьком городишке?» – думал я, сидя у могилы Елены. Елена улыбалась мне с фотографии, в неживых глазах я видел живое участие и ободрение. «У тебя всё получится!»

Я стал работать психологом в городской больнице. Работа была сложная, но я старался советов не раздавать, хотя понимал, что это плохо получается. Человек приходил ко мне с проблемой, желая повесить её на меня, в итоге он уходил недовольный, потому что я возвращал проблему её

владельцу. Плохой психолог, некудышний! Какая там вековая мудрость? Где она? Как её вложить в разум человеку?

Вот приходит ко мне импотент и просит ему помочь. Я смотрю – человек немолодой, злоупотребляющий, с лишним весом. Что мне ему сказать? Про здоровый образ жизни, огурцы и зарядку? Он сам это понимает, но он хочет, чтобы чудесным образом у него всё стояло, а жить по-другому ему не надо, его и так всё устраивает. И я ему говорю:

– Вы чихать не пробовали?

– Чихать? Чихать на мою проблему? – его лицо медленно багровеет.

– Нет, – успокаиваю я его. – Просто чихать. Можете перец нюхать, чихать будете быстрее и дольше. Раньше для этого табак нюхали.

– И что? – его багрянец с лица переползает на шею.

– Физиологи утверждают, что при чихании у человека в мозгу происходят те же процессы, как и

при оргазме: нагнетание всех чувств, чихание и большое облегчение. И человек убегает от меня со своей проблемой, которую я ещё и усугубил, не поверив в неё. Неудивительно, что меня через год попросили уволиться.

Я переехал в другой город и стал работать в книжном магазине. Как-то к нам зашёл человек и попросил пристроить на продажу его домашнюю библиотеку, я согласился. Иногда хозяин магазина разрешал делать подобное, естественно, беря при этом комиссионные. Среди книг было издание «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. «Вот она – вековая мудрость» – подумал я и в моей голове сам по себе родился план. Я нашёл способ выполнить завещание Елены.

Люди склонны верить предсказаниям. Одни читают гороскопы, другие гадают на картах, третьи ходят к колдунам, четвёртые пользуются приметами – у каждого свой способ. Даже если человек вам не признаётся, будьте уверены, в его жизни есть нечто, что помогает ему делать выбор, принимать решения.

Я решил помогать несчастным через народную мудрость, собранную в словаре. Выбрал несколько пословиц, напечатал их на тонких полосках бумаги, достаточно небольших, чтобы они могли поместиться где угодно, и достаточно прочных, чтобы их можно было хранить при себе, сложил мудрость в красивый ларец. Дело оставалось за малым, выбрать, куда с ларцом отправиться. Подумав, решил, что просто дам объявление в газету, а там – посмотрим.

«Помощь в решении семейных проблем, практикующий психолог», – читал я через три дня в местной газете. Несколько дней ждал первого звонка, почти отчаялся. Первым был какой-то шутник. Не успел я выругаться, как позвонил настоящий клиент. После этого дело пошло. Но про себя я решил, что не стану заниматься этим бесконечно, нужно было выбрать какое-то число посетителей, которым я помогу, и это количество должно быть рациональным, чтобы Елена упокоилась с миром, а я продолжил своё существование со спокойной душой. С этим предстояло определиться.

Первой пришла молодая женщина по имени Ольга, она рассказала о своей подруге, которая влюбилась в молодого парня и собирается бросить семью. Я долго беседовал с нею, а потом попросил достать из ларца записку. Она вытащила, что-то совсем неподходящее: «Собачьего нрава не изменишь». Я испугался, что мудрость совсем не соответствовала ситуации, но Ольга засмеялась и сказала, что это просто блестящая идея. Она нашла знакомого, который в облике старика с обезьянкой подсунет Верке эту записку. Пусть та прочтёт и выберет, как ей быть дальше. Как ни странно – помогло, Верка вернулась в семью. Я был доволен находкой.

Потом пришла Любаша, добрая, славная женщина, чем-то напомнившая мне Елену. Она плакалась на то, что у неё никак не получается родить ребёночка. Я посоветовал ей посетить храм. Помолиться. Какими круглыми глазами она посмотрела на меня, когда я предложил ей достать из ларца узкую полоску бумаги: «Родильная ложка с

солью, с перцем». Ава Отче! Как так ей повезло, именно про ложку? Провидение, не иначе. Она прочитала записку несколько раз и спрятала её в платочек, а платочек засунула за пазуху. Русская женщина! Здесь пришлось мне поработать, нарядиться в женское платье и отправиться в храм, в нужный момент я прошептал за её спиной: ««Родильная ложка с солью, с перцем». Любаша вздрогнула, но молиться не перестала. Вскоре у Любаша родился ребёночек, она даже приглашала меня стать крёстным.

Третьей посетительницей была старушка, она была очень расстроена. Слёзы так и лились из её печальных глаз. Старик решил её бросить, уже собирал чемодан. «Уж старый совсем. Сколько нам осталось? А он уходить намылился?» – причитала она. Мне было искренне жаль её, но что я мог поделать. Иногда крайние поступки производят впечатление. «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало», – такая мудрость попалась этой клиентке. Мудрость старушке не понравилась, она смяла

бумажку и бросила её на стол. Я предложил напугать старичка, чтобы сделать его уход ярким, может, тогда бы он передумал уходить. Надежды на старуху не было никакой, поэтому пришлось следить за дедом, поехать на вокзал, подговорить студентов громко крикнуть мудрость в зале ожидания. Кто мог знать, что бабка-террористка придумает свой выход из ситуации? Её дед все-таки уехал, но вскоре вернулся, не смог жить с чужой старухой. Старушка приходила, благодарила, пирожков принесла и варенье малиновое.

Четвёртый клиент появился нескоро. После происшествия со старушкой я съездил в Москву, посетил могилу Елены, побывал в её квартире. Там печально тикали часы, и всё ещё пахло сладкими духами, Елениными духами.

Так сложилось, но четвёртой клиенткой тоже была женщина. Тонкая, с измождённым усталым лицом, она просила совета о сыне Дмитрие, тот очень странный и вызывал у неё тревогу. Она рассказала о своей запутанной жизни, каялась, что

сыну всегда уделяла мало внимания, говорила о Японии и ресторанах, в которых работал её сын. Записку доставать из ларца она долго не хотела, говорила, что не интересуется предсказаниями, но в итоге мне удалось её убедить. «Ума палата, а ключ потерян», – с трудом проговорила она, не веря, что можно достать что-то точно описывающее положение вещей. «Это про меня?» – удивленно спросила она. «А вам надо про кого?» – с её же интонациями спросил я. «Про сына», – чуть слышно прошептала она. Я долго думал, как применить пословицу, чтобы она сбылась для них, чтобы заставила задуматься. Так ничего и не придумал. Вскоре позвонила моя посетительница и сказала, что её сын отравился ядовитой рыбой, обедая в ресторане. Я огорчился настолько, что хотел уже прекратить эти игры в предсказателя, но мать Дмитрия позвонила опять и сказала, что вечером навестит меня. Она пришла с мужчиной, отцом Дмитрия, которого все считали умершим, он вернулся, нашел её и теперь они вместе живут в квартире сына, чувствуя себя

приблизёнными к нему, чего не испытывали никогда прежде. А мою записку с предсказанием они отнесли на могилу сына, просили у него прощения, долго, обнявшись, рыдали и решили больше не расставаться. Ну, пусть хоть так, пусть хоть эти найдут для себя успокоение.

За пятой мудростью пришла Светлана. С этой героиней было всё незамысловато, она априори доверяла гороскопам и гаданиям, особа, живущая по приметам и астропрогнозам. Ей очень хотелось знать, любит ли её любовник или просто использует. «Что же вы, голубушка, сомневаетесь? Подождите и увидите, – ответил я ей уверенно. – Такие ситуации проясняются очень быстро, стоит просто проявить осмотрительность и терпение». Но клиентка не была похожа на человека терпеливого. Она пришла ко мне потому, что устала от неопределенности. Мне даже стало жалко её, бедняжку, особенно когда я узнал, что у неё есть муж и дети. С видом восторженного ребенка она доставала бумажку из ларца. Ей попалось что-то длинное и, видимо, сложное для

понимания, она читала и перечитывала много раз, потом какой-то трепет охватил её, даже руки задрожали: «За старым жить только век должить, за малым жить только маяться, за ровней жить, тешиться». Клиентка торопливо поблагодарила и покинула мою квартиру. Дело оставалось за малым – подсунуть ей доказательства. Два дня я наблюдал за её поведением из читального зала в библиотеке, беседуя с заведующей о видах на будущий урожай сливы. Выждав подходящую минутку, я быстро взобрался по лестнице к полке, которую разбирала Светлана, поставил словарь Даля первым по счету, спичкой заложил нужную страницу с поговоркой, чтобы она раскрылась первой. Осталось проследить, чтобы мои старания не пропали даром. Так всё и вышло. Мудрость была прочитана, усвоена, дрожание рук и полёт книг с полки были тому подтверждением. У Светланы жизнь наладилась, мне удалось ей помочь.

Как же много проблем у женщин!

Шестого клиента звали Константин. Его

телефонный звонок поразил меня уже тем, что собеседником оказался мужчина, а не женщина. Я так привык к женскому обществу. Но, конечно, проблема Константина была связана с женщиной. Проблема взаимоотношения полов так же животрепещуща, как и стара. Я полагал, что это будет сублильное существо, страдающее от неразделённой любви или рогоносец, преследуемый ревнивыми подозрениями. Но случай был не очень типичный, его мучила совесть. В ранней юности, а он уже давно был не юн, он обидел девушку. Очень чувствительный экземпляр, хотя по нему это было незаметно. Отчего мне жаль только женщин, мужчины вызывают только недоумение? Что значит, ты не можешь справиться со своими проблемами сам? Перед ним я сразу открыл ларец: «Здесь пять решений, одно из них ваше, выбирайте любое». Константин рассмеялся, но, тем не менее, бумажку вынул и развернул: «Чести к коже не пришьёшь, коли нет». «Это про мою честь?» – спросил он почти сразу, было такое ощущение, что он ожидал чего-то подобного. «Не знаю, думайте.

Когда надумаете, позвоните». Позвонил он в тот же вечер, рассказал о своём плане. Думаю, этот план он придумал давно, ему нужен был я, подтолкнувший к этому действию, сказавший: «Давай, дерзай!» Клиент был доволен, только я переживал долго неслучившуюся ситуацию. Как бы я выкрутился, достань он записку про родильную ложку? Хотя уверен, перст судьбы есть. Или любую мудрость можно приспособить под ситуацию. Народ мудр, от того что прав, а прав, от того что мудрость заложена в каждом из нас генетически: не приступив к действию, мы уже предполагаем его исход. Как намудрствуешь, так и получишь.

Я листал словарь Даля на букву Г. Гад. Гад? К слову «гад» было толкование «знахарь», «ворожея». Какой же я гад! Если бы Елена знала, чем я сейчас занимаюсь, она бы одобрила меня? Хочется верить, что да. Или нет? Ведь я опять определяю судьбу клиента. Впрочем, я завершаю его гештальт, просто помогаю завершить, исход предопределён самим клиентом.

Седьмая посетительница была типичная торговка с рынка, только синий свой фартук она сняла по такому случаю. Это тот тип женщин, который ходит к цыганкам кинуть на карты, ищет потерянную крупную купюру путём гадания у бабки-соседки, лечит детей от испуга выливанием на воске, делает приворот на любимого, уведённого из чужой семьи. Женщины, полные радости, справедливого гнева и своего, посконного, понимания смысла жизни. Она ворвалась в мою квартиру, не снимая пальто, снопом упала в кресло, будто дольше стоять не могла. «Отворот надо сделать», – выдохнула она, обмахивая румяное лицо рукой с золотой печаткой. На шее её сверкала толстая золотая цепь, на ушах висели тяжёлые самоварные серьги, опять же – золотые. «Я таким не занимаюсь», – твёрдо сказал я, особенно упирая на слово «таким». Она посмотрела на меня долгим взглядом, полным разочарования, выщипанные брови её высоко поднялись над глазницами: «Да?» В этом слове было разочарование, очень глубокое разочарование, такое

глубокое, что мне захотелось забрать свои слова обратно. «Но я могу помочь вам по-другому», – невнятно промямлил я. «Да?» – она опять вскинула брови, – «А как?» «Выбирайте!» – я протянул ей ларец с бумажками. Их оставалось всего четыре. Свежим маникюром она перебрала бумажки и вытащила одну, элегантно зажав её между пальцами: «Это?» «Прочитайте», – попросил я. Она развернула полоску бумаги, положила на подлокотник кресла и разгладила тяжёлой ладонью, я даже успел усомниться, умеет ли она читать. Но дама, чмокнув губами, громко зачитала: «Всяк сверчок знай свой шесток»!

Подумала. Потом ещё раз подумала. У таких женщин всегда особое выражение лица, когда они думают. Такое ощущение, что они грузовой состав толкают в одиночку и в гору. «И чо?» – это был тот вопрос, которого я ждал и уже морально подготовился. «Вы подходите к выбранному объекту и строго, грубо, громко, прямо ему в лицо проговариваете эту фразу: «Всяк сверчок знай свой

шесток!» И уходите, с объектом не встречаетесь, по телефону не разговариваете, игнорируете полностью». Дама моргнула: «А объект кто?» «Объект этот тот мужчина, которого вы хотите отворожить», – терпеливо, как ребенку, объяснил ей я свой метод. «Матвей, значит? – переспросила она, – Подожди, я только запишу себе в записнушку». И дама стала рыться в своей сумке. «Не стоит, я дарю вам эту записку», – прошептал я ей интимно и проводил в прихожую. У меня возник неясный страх, что она может меня тоже приворожить, как этого своего Матвея. Вскоре дама опять посетила меня, в слезах, с бутылкой водки и селёдочной нарезкой. Матвей повесился, не смог пережить её отказа. Мы пили всю ночь, я её утешал, потом она утешала меня, она была единственным человеком, которому я рассказал про Елену. Нам было хорошо вдвоём, наутро её уже не было, только на кухне в сковороде меня ждала яичница. Испугавшись, что мне придется ещё раз встретиться с Ариной, именно так звали даму, я съехал на другую съёмную квартиру.

Дело требовало завершения.

Восьмая посетительница была милая женщина по имени Маруся. Она подозревала своего мужа в неверности и хотела узнать, как можно его отвадить от такой напасти. «Знаете, Маруся, есть мужчины, которые всегда изменяют своим женам, это такой психотип. Вам надо или поменять мужчину, или смириться», – в моих словах была обречённость, мне было действительно жаль эту хорошую женщину, она выглядела растерянной и огорчённой. Ей досталась бумажка с неопределённым советом: «Брось дело с камнем в воду». Я просто не мог придумать, что можно сделать с этим советом. Однако вскоре Маруся посетила меня повторно, её муж утонул, она уезжала из города, пришла проститься и рассказать мне про исход. Я даже не понял, благодарила или винила она меня. Бедная Маруся, ведь в её жизни всё могло быть по-другому, достанься ей другая народная мудрость.

Оставалось всего две мудрости. Я решил, что приму ещё клиента, а последнюю возьму себе, пусть

она решит, чем мне заниматься дальше.

Последняя клиентка, что неудивительно, опять была женщина. Все-таки много проблем у женщин. Это была местная бизнес-вумен, и её случай был пограничен с психиатрией. Испугавшись последствий, я решил, что она – последняя жертва Елениного завещания, на этом пора остановиться. Её звали Марина, у неё развалилась семья, ребенок погиб, муж сошёл с ума. Она хотела знать: «Что делать?» Она потерялась где-то между реальностью и вечностью, между горем и трезвым рассудком, у неё не было друзей, все казались врагами, и лишь немногим она доверяла. «Если бы я могла себе позволить не бояться человеческого осуждения, я бы жила в склепе у сына, рядом с мужем. «Я сошла с ума?» – она смотрела на меня преданными глазами подыхающей собаки. Вам нужно помириться с мужем, теперь уже не важно, кто или что стало причиной смерти вашего сына. Вас осталось двое – вы и муж – родные люди, родные вашему сыну, вашему сердцу. Нет таких душевных болезней, которые

могут отвлечь друг от друга любящих и любимых. «Кротость безоружит», – мудрость, доставшаяся Марине. Последний клочок бумаги, остался лежать в глубине ларца. Моя мудрость. Марина плакала, звонила мне ещё несколько раз, приходила просто поговорить, она вернула мужа с кладбищенского леса домой. Она сказала, что будет заботиться о нём, как о ребёнке, своё он уже искупил.

После последнего разговора с Мариной я ощутил радость, радость свободного человека, несвязанного долгом. Елена отпустила меня. Клиенты жили своими жизнями, я завершил их гештальт. Как мог.

Мой собственный гештальт не давал мне покоя. Я выгреб последнюю бумажку из ларца и засунул её в ежедневник. Замкнул съёмную квартиру, ключи отдал соседке. Я возвращаюсь домой. Садясь в машину, почти забыл про мудрость, но механизм, застывший на морозе не завелся с первого раза. Из портфеля я достал полоску бумаги, сложенную пополам: «Умирать ладишься, а хлеб сей». Машина

ещё раз фыркнула и завелась. Я возвращался к привычной жизни.